JOURNAL OF THE NATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS
ISSN: 3105-0042. eISSN: 3105-0050

NATIONAL HISTORY – ОТАН ТАРИХЫ – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья/Research Article
МРНТИ / IRSTI 03.20.00

https://doi.org/10.65076/3105-0042.2026.4.86.121

Problems of Studying the Secret History of the Mongols as a Historical Source

A. Porsin✉
Research Institute for the Study of the Jochi Ulus, Astana, Kazakhstan
✉*porsinart@gmail.com*

Abstract. The article examines the historiography of studying The Secret History of the Mongols as a historical source. The main focus is on the debated issues of the dating of the monument, the problem of the colophon, authorship, and the process of text formation. On the basis of a comparative source analysis of works by researchers of the 19th–21st centuries, key anachronisms and politically motivated plotlines are identified. It is shown that none of the proposed datings (1228, 1240, 1252, 1264, 1324) is consistent with all the data of the colophon and the content of the text. The necessity of considering the colophon as part of the historical narrative and conducting a detailed literary-historical analysis of the plots in comparison with the Yuan chao bi shi and the Altan Tobchi is substantiated. The materials of the study include the text of The Secret History of the Mongols, considered in comparison with data from the Yuan shi, Rashid al-Din, Koryŏsa, Altan Tobchi, Sheng-wu qin-zheng-lu, and other sources used by researchers to address questions about the origin, dating, structure, and character of the monument, as well as studies devoted to this historical source. The main method is historiographical and comparative source analysis. Proposed datings and reconstructions of the text's formation, their argumentation, identified anachronisms and contradictions, as well as textual and historical-geographical observations, are examined. The literature review traces the evolution of scholarly views on the time of the monument's creation. It is noted that for a long time the dating to 1240 did not raise doubts; however, subsequent studies revealed serious contradictions. Hypotheses linking the text to the kurultais of 1228, 1240, 1252, 1264, and 1324 are analyzed in detail. It is shown that proponents of each version have to resort to complex assumptions in order to reconcile the colophon with the rest of the text. Particular attention is paid to the analysis of anachronisms present in all parts of the work, including the description of Ögedei's reign and earlier sections. Examples are given of plots connected with Shigi Qutuqu, Muqali, Mahmud Yalavach, Chormaqan, and the conflict between Batu, Güyük, and Büri. It is indicated that these plots could not have arisen in 1228 or 1240 and reflect the political realities of a later time, primarily the era of Möngke and Kublai. In the discussion, it is emphasized that the question of dating, authorship, and the process of text formation deserves a separate monographic study. The most promising direction is recognized as considering the colophon as a full-fledged part of the historical text, as well as a detailed comparison of the Yuan chao bi shi and the Altan Tobchi in order to identify insertions and editorial changes. The need for literary and historical analysis of individual plotlines, and not only linguistic textual analysis, is pointed out. In conclusion, it is stated that the discussion remains unfinished, and none of the proposed Years of the Mouse corresponds to all the conditions of the colophon.

Keywords: historiography; source studies; dating; colophon; anachronisms; textual criticism; Altan Tobchi; Chinggis Khan; Ögedei; kurultai

© A. Porsin, 2026

For citation: Porsin A. Problems of Studying the Secret History of the Mongols as a Historical Source. *Journal of the National Congress of Historians.* 2026. Vol.8, no.4, pp. 86-121. https://doi.org/10.65076/3105-0042.2026.4.86-121

"Моңғолдардың құпия шежіресін" тарихи дереккөз ретінде зерттеу мәселелері

А. Порсин

Жошы Ұлысын зерттеу ғылыми институты, Астана, Қазақстан

Аңдатпа. Мақалада "Моңғолдардың құпия шежіресінің" тарихи дереккөз ретінде зерттелу тарихнамасы қарастырылады. Негізгі назар ескерткіштің даталануы, колофон мәселесі, авторлығы және мәтіннің қалыптасу үдерісі туралы пікірталас мәселелеріне аударылады. XIX-XXI ғасырлардағы зерттеушілердің еңбектерін салыстырмалы деректанулық талдау негізінде негізгі анахронизмдер мен саяси уәжді сюжеттік желілер анықталды. Ұсынылған даталаулардың (1228, 1240, 1252, 1264, 1324) ешқайсысы колофон деректерінің барлығымен және мәтін мазмұнымен үйлеспейтіні көрсетілген. Колофонды тарихи нарративтің бөлігі ретінде қарастыру және "Юань чао би ши" мен "Алтан тобчи" мәтіндерін салыстыра отырып, сюжеттерге егжей-тегжейлі әдеби-тарихи талдау жүргізу қажеттілігі негізделеді. Зерттеу материалдарына "Моңғолдардың құпия шежіресінің" мәтіні, сондай-ақ "Юань ши", Рашид ад-Дин, "Корёса", "Алтан тобчи", "Шэн-у цинь-чжэн-лу" және ескерткіштің шығу тегі, даталануы, құрылымы мен сипаты туралы мәселелерді шешу үшін зерттеушілер тартқан басқа да дереккөздер, сондай-ақ осы тарихи дереккөзге арналған зерттеулер кіреді. Негізгі әдіс – тарихнамалық және салыстырмалы деректанулық талдау. Зерттеушілер ұсынған даталаулар мен мәтіннің қалыптасуын реконструкциялау, олардың дәлелдемелері, анықталған анахронизмдер мен қайшылықтар, сондай-ақ текстологиялық және тарихи-географиялық байқаулар қарастырылады. Әдебиеттерге шолуда ескерткіштің жасалу уақыты туралы ғылыми көзқарастардың эволюциясы баяндалады. Ұзақ уақыт бойы 1240 жылмен даталау күмән тудырмағаны, алайда кейінгі зерттеулер елеулі қайшылықтарды ашқаны атап өтіледі. Мәтінді 1228, 1240, 1252, 1264 және 1324 жылдардағы құрылтайлармен байланыстыратын болжамдар егжей-тегжейлі талданады. Әрбір нұсқаны жақтаушылар колофонды мәтіннің қалған бөлігімен келістіру үшін күрделі болжамдарға жүгінуге мәжбүр болатыны көрсетілген. Шығарманың барлық бөліктерінде, соның ішінде Өгедей билігінің сипаттамасында және ертерек бөлімдерде кездесетін анахронизмдерді талдауға ерекше назар аударылады. Шиги-Хутуху, Мухали, Махмуд Ялавач, Чормаган, сондай-ақ Бату, Гүюк және Бүри арасындағы жанжалға байланысты сюжеттерге мысалдар келтіріледі. Бұл сюжеттер 1228 немесе 1240 жылдары туындай алмайтыны және кейінгі кезеңнің, ең алдымен Мөңке мен Хубилай дәуірінің саяси шындығын көрсететіні айтылады. Талқылауда даталау, авторлық және мәтіннің қалыптасу үдерісі туралы мәселе жеке монографиялық зерттеуге лайық екені атап көрсетіледі. Ең перспективалы бағыт ретінде колофонды тарихи мәтіннің толыққанды бөлігі ретінде қарастыру, сондай-ақ қосымшалар мен редакциялық өзгерістерді анықтау үшін "Юань чао би ши" мен "Алтан тобчиді" егжей-тегжейлі салыстыру танылады. Жеке сюжеттік желілерді тек лингвистикалық текстологиялық талдау ғана емес, әдеби және тарихи талдау қажеттілігі көрсетіледі. Қорытындыда пікірталас аяқталмағаны және ұсынылған Тышқан жылдарының ешқайсысы колофонның барлық шарттарына сәйкес келмейтіні айтылады.

Түйін сөздер: тарихнама; деректану; даталау; колофон; анахронизмдер; текстология; Алтан тобчи; Шыңғыс хан; Өгедей; құрылтай

Проблемы изучения "Тайной истории монголов" как исторического источника

А. Порсин
Научный институт изучения Улуса Джучи, Астана, Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается историография изучения "Тайной истории монголов" как исторического источника. Основное внимание сосредоточено на дискуссионных вопросах датировки памятника, проблеме колофона, авторства и процесса формирования текста. На основе сравнительно-источниковедческого анализа работ исследователей XIX–XXI вв. выявлены ключевые анахронизмы и политически мотивированные сюжетные линии. Показано, что ни одна из предложенных датировок (1228, 1240, 1252, 1264, 1324) не согласуется со всеми данными колофона и содержанием текста. Обосновывается необходимость рассматривать колофон как часть исторического нарратива и проводить детальный литературно-исторический анализ сюжетов в сопоставлении "Юань чао би ши" и "Алтан тобчи". В работе проанализированы материалы, включающие текст "Тайной истории монголов", а также данные "Юань ши", Рашид ад-Дина, "Корёса", "Алтан тобчи", "Шэн-у цинь-жэн-лу" и других источников, привлекавшихся для решения вопросов о происхождении, датировке, структуре и характере памятника. Основным методом является историографический и сравнительно-источниковедческий анализ. Рассматриваются предложенные исследователями датировки и реконструкции формирования текста, их аргументация, выявленные анахронизмы и противоречия, а также текстологические и историко-географические наблюдения. В литературном обзоре прослеживается эволюция научных представлений о времени создания памятника. Отмечается, что длительное время датировка 1240 годом не вызывала сомнений, однако последующие исследования выявили серьёзные противоречия. Подробно разбираются гипотезы о связи текста с курултаями 1228, 1240, 1252, 1264 и 1324 годов. Показано, что сторонникам каждой из версий приходится прибегать к сложным допущениям, чтобы согласовать колофон с остальным текстом. Особое внимание уделено анализу анахронизмов, которые присутствуют во всех частях произведения, включая описание правления Угедея и более ранние разделы. Приводятся примеры сюжетов, связанных с Шиги-Хутуху, Мухали, Махмудом Ялавачем, Чормаганом, а также с конфликтом между Бату, Гуюком и Бури. Указывается, что эти сюжеты не могли возникнуть в 1228 или 1240 годах и отражают политические реалии более позднего времени, прежде всего эпохи правления Менгу и Хубилая. В обсуждении подчёркивается, что вопрос о датировке, авторстве и процессе формирования текста заслуживает отдельного монографического исследования. Наиболее перспективным направлением признаётся рассмотрение колофона как полноправной части исторического текста, а также детальное сопоставление "Юань чао би ши" и "Алтан тобчи" для выявления вставок и редактуры. Указывается на необходимость литературного и исторического анализа отдельных сюжетных линий, а не только лингвистического текстологического анализа. В заключение констатируется, что дискуссия остаётся незавершённой, а ни один из предложенных годов Мыши не соответствует всем условиям колофона.

Ключевые слова: историография; источниковедение; датировка; колофон; анахронизмы; текстология; Алтан тобчи; Чингиз-хан; Угедей; курултай

Для цитирования: Порсин А. Проблемы изучения "Тайной истории монголов" как исторического источника. *Journal of the National Congress of Historians.* 2026. Vol.8, no.4, pp.86-121. https://doi.org/10.65076/3105-0042.2026.4.86-121

Введение

"Тайная история монголов" (далее ТИМ) в советской и постсоветской историографии, благодаря переводу С.А. Козина, также известная как "Сокровенное сказание монголов", вероятно, является самым знаменитым произведением монгольской литературы. В то же время сложно назвать памятник, оказавший большее влияние на представления людей XIX-XXI веков о Чингиз-хане, его эпохе и людях, его окружавших.

Если говорить о массовом сознании, то большинство художественных фильмов и книг, посвященных этой теме, в той или иной степени опираются на хорошо известные сюжеты ТИМ. При этом данные таких крупных источников, как “Юань ши” или Рашид ад-Дина, в этом направлении используются реже. Такое внимание к данному памятнику со стороны творческих людей вполне естественно, учитывая потрясающую яркость и непосредственность описания в нем исторических событий. Именно эта особенность ТИМ, в общем не характерная для китайских и иранских источников, и делает ее привлекательной при создании художественного продукта, тематика которого касается этой эпохи и личности Чингиз-хана.

Серьёзное влияние ТИМ оказала и на взгляды ученых о данном периоде в истории Монголии. Тут роль сыграли два фактора.

Во-первых, как справедливо отметил К. Этвуд, "фактически, ТИМ прямо или косвенно является источником почти всего, что мы знаем о Чингисхане примерно до 1210 года" (Atwood 2007: 7). Конечно, последующие 10-е и 20-е годы XIII века источниками описаны значительно лучше, но сильное влияние описательных конструкций ТИМ сохраняется и там.

Во-вторых, и это не менее важно, за ней сохраняется статус внутрисемейной истории Чингизидов – текста, предназначенного для функционирования внутри правящего клана империи, содержание которого было “закрыто” для окружающих, что и определяло его "тайный" характер. Естественно, что при многочисленных ошибках и анахронизмах, признаваемых исследователями, содержание ТИМ оказало огромное влияние на формирование представлений о личных отношениях, сложившихся в семье и ближайшем окружении создателя империи. Определённую роль в этих отношениях, судя по описанию, занимали конфликты между Чингиз-ханом и его приближенными, между ним и его сыновьями, а также между самими братьями-Чингизидами.

Материалы и методы

Материалом исследования является текст ТИМ, рассматриваемый в сопоставлении с данными "Юань ши", Рашид ад-Дина, "Корёса", "Алтан Тобчи", "Шэн-у цинь-жэн-лу" и других источников, привлекавшихся исследователями для решения вопросов о происхождении, датировке, структуре и характере памятника, а также исследования, посвящённые этому историческому источнику.

Основным методом является историографический и сравнительно-источниковедческий анализ. Рассматриваются предложенные исследователями датировки и реконструкции формирования текста, их аргументация, выявленные анахронизмы и противоречия, а также текстологические и историко-географические наблюдения.

Литературный обзор

Долгое время датировка ТИМ не вызывала особых вопросов. Сюжетная линия повествования заканчивается в самом конце правления Угедея, а текст завершается колофоном: "Написано во время пребывания Двора в урочище Долоан болдах Келуренского Кодее арала, что между двумя урочищами Шильгим и Цек, в седьмой месяц Хуран сара, года Мыши, во время происхождения там Великого сейма – Хурил" (Козин 1941: 199).

Колофон датирован только годом Мыши двенадцатигодового животного календаря и, следовательно, не может быть автоматически отнесен к конкретному году. Но соотнесение года Мыши и завершение текста концом правления Угедея, с упоминанием об окончании западного похода, но без упоминания о его смерти (11 декабря 1241 года), уверенно давало датировку – 1240 год. До 40-х годов XX века ее принимала большая часть ученых. Правда, в 1901 году Тинг Чен выдвинул предположение, согласно которому ТИМ была написана в 1228 году Мыши на курултае после смерти Чингиз-хана, и что ее автор, некий "T'o-ch'a-an", добавил к тексту некоторые события из правления Угедея, забыв исправить колофон. Но тогда эта версия не получила особой поддержки (Hung 1951: 487; Rachewiltz 1965: 186).

Тем не менее, и в рамках датировки ТИМ 1240 годом существовали определенные вариации, особенно характерные для японских исследователей. Нака Митие и Исихама Дзюнтаро, указав на связь первой строки текста "Cinggis Qahan-uhujaur" (Происхождение Чингиз-хана) и следующей " De'ere Tenggeri-eche jayaatu torogsen Borte Chino ajuu" (Вначале был серо-голубой волк, рожденный с судьбой, предопределенной Небесами), полагали, что настоящим названием книги было "Происхождение Чингиз-хана". Оно относилось к первым 10 главам текста, завершавшегося объединением монголов и смертью основного противника Чингиз-хана Теб-Тенгри около 1210 года. Нака Митие считал, что первые десять глав были написаны при жизни основателя империи. Исихама Дзюнтаро не оговаривал конкретное время возникновения "Происхождения Чингиз-хана", признавая лишь, что это произошло до 1240 года, когда к первой части был добавлен остальной текст, включающий описание вторжений монголов в Северный Китай и Хорезм, а также правления Угедея. Именно к последним двум главам и относился колофон с годом Мыши (Hung 1951: 466-470).

В 1941 году Р. Груссе отметил, что два сюжета ТИМ склоняют к мысли о том, что текст был написан уже после смерти Угедея.

Во-первых, в ходе обсуждения кандидатуры наследника престола в §255 содержится подспудное указание на возможность перехода власти в будущем к потомкам другого сына Чингиз-хана. Что, собственно, и произошло в 1251 году, когда внуков Угедея отстранил от власти сын Тулуя Менгу.

Во-вторых, заявление Угедея о его четырех "грехах", содержащееся в §281, и фактически завершающее текст, очень напоминает посмертное осуждение его правления. На этом основании французский историк выдвинул гипотезу о том, что годом Мыши, к которому относится колофон, может быть 1252, и что ТИМ была записана сразу после прихода Менгу к власти (Grousset 1941: 230, 303).

П. Пелльо, датировавший ТИМ 1240 годом, признал ценность обоих аргументов, приведённых Р. Груссе, в то же время указав на то, что решающими в этом вопросе они являться не могут. Основной проблемой предложенной датировки, по его мнению, является отсутствие указаний источников на великий курултай в Кодее арале в 1252 году, соответствующем году Мыши. Признавая, что таких указаний нет и для 1240 года, он отмечал, что передвижения Угедея в принципе освещены достаточно слабо, и именно этим можно объяснить отсутствие других сообщений об этом событии. Но эпоха Менгу описана достаточно подробно и после великого курултая в 1251 году "Свиньи", на котором новый каан взошёл на престол, в следующем году о большом съезде знати информации нет. А значит либо колофон не верен – а эту возможность П. Пелльо отклонял, либо ТИМ была все-таки записана в 1240 году, на курултае в Кодее арале, не отмеченном другими источниками. Появление же в тексте мотивов, очевидно направленных против Угедея, он объяснял тем, что претензии Толуя и его семьи на власть проявлялись задолго до начала 50-х годов и именно поэтому отразились в тексте (Pelliot 1941: 1-2).

В 1951 году было опубликовано большое и очень скрупулезное исследование У. Хунга, посвященное ТИМ, в котором автор сделал ряд важных в той или иной степени гипотетических выводов. Текст ТИМ изначально не содержал разделения на главы, которое возникло благодаря работе редакторов эпохи Мин. Также именно китайские редакторы, работавшие после падения власти монголов, сочли попавший им в руки текст "секретным" документом бывшей правящей династии.

Такой исторический текст, скорее всего сборник из нескольких книг исторического характера, был известен в юаньском Китае под названием "Тобчиян". Это был закрытый сборник исторических текстов, доступ к которому для чиновников-китайцев был запрещен. Текст Тобчиян не сохранился, но, по всей видимости, именно за него был принят монгольский текст, содержащий весьма интимные подробности из жизни основателя династии и его преемника, отсутствующие в других источниках. Поэтому минские редакторы дали ему китайское название "Юань чао би ши", то есть "Тайная история династии Юань", монгольским эквивалентом которого являлось "Mongyol-unniuca tobcaan", то есть "Тайная история монголов".

Изначальным названием произведения было "Cinggis Qahan-uhujaur" (Происхождение Чингиз-хана). Тот факт, что содержание ТИМ явно выходит за смысловые рамки его предполагаемого наименования, исследователь объяснял особенностями формирования текста. По его мнению, "автором" был монгол, близкий к Чингиз-хану и его семье, а само произведение является письменно зафиксированным рассказом. Когда рассказчика попросили изложить известную ему историю основателя империи, он начал ее с "Происхождения Чингиз-хана" и продолжал до тех пор, пока человек, записывавший текст, не решил завершить повествование колофоном. Задолго до своего завершения рассказ вышел за рамки заявленной темы, и так как у текста не было названия, наименование "Cinggis Qahan-uhujaur" должно относиться ко всему произведению.

Многочисленные хронологические ошибки и очень слабое, во многом ошибочное описание боевых действий в Китае и в Хорезмийском султанате У. Хунг связывал именно с неграмотностью рассказчика, который не пользовался письменными источниками, воспроизводя историю по памяти, а также устным характером повествования. Его близость к семье Чингиз-хана и описываемым событиям проявляется в многочисленных интимных историях из жизни основателя империи и его окружения, которые описаны с потрясающей яркостью. Книга является изложением его воспоминаний, которые могли быть зафиксированы в достаточно короткий срок – всего за несколько дней.

В вопросе о датировке автор, с одной стороны, поддержал гипотезу Р. Груссе в той ее части, где он указал на протолуидский характер некоторых сообщений ТИМ, которые могли появиться только после смерти Угедея. С другой стороны, он предположил, что указанным в колофоне годом Мыши может быть не 1252, а следующий за ним 1264 год. В качестве обоснования автор привел достаточно любопытное наблюдение историко-географического характера. В §247 дважды упоминается территория под названием Сянь тэ фу. Проблема состоит в том, что до 1263 эта территория называлась Сянь-тэ-чжоу. В "Юань ши" есть запись от 1 июля 1260 года, фиксирующая это название. Только 7 сентября 1263 года Сянь-тэ-чжоу получил более высокий статус в географическом управлении и был переименован в Сянь тэ фу. Следовательно, текст не мог быть написан раньше, и подходящий год Мыши нужно искать после 1263 – а это либо 1264, либо 1276 год.

Последний вариант У. Хунг отклонил по двум причинам. Во-первых, свидетель и участник бурных событий эпохи молодости Чингиз-хана в 1264 году должен был быть очень стар, и вряд ли он был бы жив в 1276 году. Во-вторых, если бы текст был завершен в середине 1270-х гг., то автор не стал бы использовать название Чжунду (современный Пекин), который к тому моменту уже был переименован в Даду.

Связав колофон с 1264 годом, У. Хунг отметил, что, согласно "Юань ши", государственный министр Ванг О 9 сентября 1262 года подал прошение Хубилаю о копировании и отправке истории предыдущих императоров в Бюро династической истории, а 25 мая 1263 года обратился к нему с просьбой о сборе исторических данных о Чингиз-хане. Именно с мероприятиями, которые, возможно, имели место после этих прошений, автор и связывал возникновение текста ТИМ.

Однако в 1264 году источники не фиксируют никакого съезда монгольской знати, который можно было бы охарактеризовать как "великий курултай". Признавая это, автор предположил проведение такого съезда в Монголии, на котором сторонники Ариг-Буги приняли решение о признании власти Хубилая и о прекращении гражданской войны. Указанный в колофоне седьмой месяц соответствует временно́му промежутку с 25 июля по 22 августа. "Юань ши" сообщает о том, что 22 августа 1264 года мятежный брат Хубилая Ариг-Буга и поддержавший его сын Мунке Урунгташ "вернулись и были прощены". Возможно, перед их возвращением и состоялся курултай в Кодее арале, на котором был записан текст ТИМ (Hung 1951: 484-492).

Версию У. Хунга раскритиковал А. Мостарт, являвшийся сторонником датировки написания ТИМ 1240 годом. Основной его претензией было отсутствие внятного объяснения резкого прекращения повествования, не дошедшего даже до смерти Угедея. По какой причине из исторического сочинения, якобы написанного в 1264 году, выпало двадцать четыре года, в течение которых произошла смерть Угедея, два долгих

регентства, два императорских правления, приход к власти младшей ветви Чингизидов в лице Менгу, завершение завоевания Ирана, возобновление войны с империей Сун, восхождение на трон Хубилая, восстание Ариг-Буги и его капитуляция (Mostaert 1951: 394-395)?

Однако, несмотря на критические замечания, версия У. Хунга с теми или иными оговорками получила определенную поддержку. В 1260 году А. Уэйли, анализируя §274 ТИМ, отметил, что сообщение о назначении баскаком в Корее Есудера-хорчи, который ранее был направлен в этот регион на помощь Джалаиртаю-хорчи, является очевидным анахронизмом. В "Корёса" (династическая история периода Корё, составленная в 1451 году) сообщается о том, что осенью 1254 года в Корее стало известно о назначении монгольского вождя по имени Ch'a-la-tae начальником Восточных земель. Вскоре после этого он переправился через Ялу в сопровождении 5000 человек. Летом 1258 года второй монгольский вождь Ye-su-tal появился в регионе и объявил, что монгольский хан назначил его и Ch'a-la-tae управлять делами в Корее. Похоже, что они правили совместно до лета 1259 года, когда Ch'a-la-tae внезапно умер, и Ye-su-tal стал править единолично.

Еще Нака Митиё (ум. в 1908 году) в одном из своих трудов, опубликованных уже после его смерти, отметил, что Ch'a-la-tae и Ye-su-tal"Корёса" – это, безусловно, Джалаиртай и Есудер ТИМ, и, следовательно, их прибытие в Корею должно датироваться временем правления Мунке. Сам японский исследователь не придал этому факту большого значения, предполагая, что анахронизм возник благодаря деятельности переписчика, работавшего спустя много лет после составления текста ТИМ и спутавшего сообщение об отправке в Корею Джалаиртая и Есудера в 1250-е годы с монгольским вторжением на полуостров в 1231 году.

Однако А. Уэйли отклонил это предположение. По его мнению, монгольское bicijuda'usba в тексте колофона может пониматься двояко: либо как "составление работы завершено", либо "копирование текста завершено". Но китайский подстрочный перевод в сохранившемся тексте ТИМ более однозначен: "копирование завершено". Обосновывая эту точку зрения, А. Уэйли сослался на некоторые колофоны китайских средневековых текстов, содержащих подобное выражение. Если же речь шла именно о копировании текста на великом курултае, а не о его составлении, то в этом случае вопрос о том, какой конкретно год Мыши реально имелся в виду, становится второстепенным (Waley 1960: 528-529).

В 1962 году был опубликован перевод ТИМ на венгерский язык Л. Лигети, в котором автор, в том числе, высказал свою точку зрения по поводу датировки памятника. С одной стороны, он принял аргумент А. Мостарта против концепции У. Хунга касательно 1264 года Мыши, а с другой, он поддержал позицию Р. Груссе касательно анахроничных сюжетов, связанных с Угедеем. На этом основании он предположил, что в дошедшем до нас виде текст ТИМ сформировался после прихода к власти Менгу, однако он является расширенным вариантом более ранней работы, посвященной правлению Чингиз-хана. Таким образом, колофон либо датируется 1252 годом и относится к законченному варианту произведения, либо он маркировал завершение текста 1228 года, и был впоследствии распространен на всю работу.

Л. Лигети сделал ряд важных замечаний, подкрепляющих его версию. Во-первых, он отметил, что этноним "керел" в §262 из списка народов, против которых должен был по приказу Чингиз-хана идти в поход Субедей после разгрома Хорезмийского султаната,

относится к венграм, причём в той форме, которая могла стать известна монголам только после великого западного похода 1230-х годов. С его точки зрения, термин "керел" был связан с королевским титулом венгерского правителя Белы IV.

Во-вторых, сообщение в §210 ТИМ о том, что Хунан в 1206 году был назначен нойоном-темником при Джучи, противоречит и содержанию §202 ТИМ, где имя Хунана стоит седьмым в списке нойонов-тысячников того же 1206 года, и данным Рашид ад-Дина о том, что Хунан был командиром одной из четырех тысяч, которые получил Джучи. На основании этих противоречий и сообщения Рашид ад-Дина о том, что "в настоящее время большая часть войск: Токтая и Баяна есть потомство этих четырех тысяч, а что прибавилось [к ним] за последнее время, то — из войск русских, черкесских, кипчакских, маджарских и прочих, которые присоединились к ним", Л. Лигети предположил, что Хунан стал темником уже после возвращения монголов из Европы.

В-третьих, по его мнению, раздел, посвященный проблеме наследования престола, содержащийся в §254-255 и §275, является более поздней вставкой, целью которой была легитимация захвата власти Толуидами. В качестве обоснования автор указывал на то, что данный сюжет находится вне повествовательного контекста, и что он полностью отсутствует у Рашид ад-Дина. Нет его и в сохранившемся в варианте ТИМ, включенном в монгольскую хронику "Алтан Тобчи", написанную Лубсан Данзаном в XVII веке (Ligeti 1962: 188-190).

Идею А. Уэйли развил Г. Ледьярд в своей статье 1964 года, посвященной связи событий в Корее и датировки ТИМ. Автор обратил внимание на то, что, помимо "Корёса", об отправке Джалаиртая в Корею сообщает "Юань ши". Под 1254 годом там говорится о том, что "[Мэнгу] послал человека из племени Джалаир Хорчи в поход на Корею", а в 1258 году упоминается, что "в третьей луне (6 апреля - 4 мая) [Мэнгу] дал повеление Хун Чацю возглавить войска и последовать за Джалаиртаем в совместном походе на Корею".

Г. Ледьярд отметил, что в монгольском языке суффикс -tai указывает на обладание чем-либо или связь с чем-либо, то есть имя Джалаиртай означает "человек из племени Джалаир". Термин "Корчи" нечасто используется в качестве личного имени, но очень распространён как титул "носитель-колчана", означающий члена личной стражи монгольского каана, то есть форма "человек из племени Джалаир" является наполовину транскрипцией, наполовину переводом имени Джалаиртай и, следовательно, "Корчи" нужно интерпретировать как титул, следующий за именем, как он и используется в ТИМ – "Джалаиртай-хорчи". Таким образом, отправка Джалаиртая в Корею в 1254 году по приказу Мунке подтверждается уже двумя источниками. Следовательно, это сообщение ТИМ не могло быть написано раньше.

На основании этого вывода Г. Ледьярд сформулировал ряд вопросов относительно текста ТИМ: почему событие, произошедшее во время правления Менгу, представлено в ТИМ как произошедшее во время правления Угедея? Почему это событие является относительно второстепенным в контексте политической истории Монгольской империи того периода? И почему в тексте ТИМ ничего не сообщается о многих других, по-настоящему важных событиях, произошедших после смерти Угедея?

По его мнению, автор ТИМ изначально намеревался ограничить повествование концом правления Угедея, а сообщение о Джалаиртае и Есудере в Корее является ошибкой. Отсутствие сообщения о смерти Угедея он объясняет табу, касавшегося упоминания

ISSN: 3105-0042. e-ISSN: 3105-0050

о смерти правителя, которое существовало у монголов. В качестве подтверждения приводится явно завуалированное сообщение ТИМ о смерти Чингиз-хана ("взошел на небеса в год Свиньи") и столь же краткое известие Шэн-у цинь-жэн-лу (далее ШУЦЖЛ), где об этом событии говорится только в контексте последующего повествования об Угедее ("После Вознесения Тай-цзу (Чингиз-хана), Святого и Воинствующего Императора, Император Тай-цзун (Угедей)…").

Именно этим табу он объясняет то, что автор ТИМ довёл рассказ до времени смерти Угедея, но не сообщил о ней, лишь завершив повествование его монологом о "заслугах" и "грехах", который Р. Груссе справедливо оценил как посмертный.

Что же касается анахронистического сообщения ТИМ о Джалаиртае и Есудере, то Г. Ледьярд объяснял его хронологическими ошибками в источниках, содержащих информацию о политике монголов по отношению к Корее. Сопоставив это сообщение с данными "Юань ши" и Рашид ад-Дина, он пришел к выводу, что первоначально в монгольском источнике времен Хубилая описывались два события, относящиеся к Корее и датированные годом Лошади. Одним из них была корейская депеша принца Онг Сунга об отправке его вместе с тургаком (дневными стражниками) и кешигтеном (ночными стражниками) в качестве заложников к монголам. Это событие действительно произошло в 1241 году Быка, но по какой-то причине было ошибочно датировано годом Лошади. Вторым событием была отправка в 1258 году Лошади Есудера из Монголии на помощь Джалаиртаю. В какой-то момент в этом источнике два года Лошади были объединены и ошибочно отнесены к 1234 году Лошади во время правления Угедея. Ситуация осложнилась тем, что в первой половине 1230-х годов монголы действительно совершили два похода на Корею: в 1232 году под командованием Сарта-корчи, а также в 1235 году под командованием Тангута.

На основании этих рассуждений Г. Ледьярд сделал два важных вывода. Во-первых, признавая, что автор ТИМ опирался в большей степени на устную традицию, он заключил, что до какой-то степени он использовал и письменные источники. Во-вторых, по его мнению, 1264 год является самым ранним возможным вариантом датировки памятника (Ledyard 1964: 1-16).

Вышедшая в 1965 году статья И. де Рахивельца подвела своеобразный итог дискуссии 1950-х – первой половины 1960-х годов. Автор подробно рассмотрел версии происхождения и датировки текста ТИМ, высказанные его предшественниками, а также основные аргументы, которыми они подкреплялись, в той или иной степени подвернув их критике. Свои рассуждения он основывал на положении о том, что о великом курултае в Кодее арале – событии, безусловно, значимом и известном, на котором должны были присутствовать глава государства и высшие представители элиты, - источники не сообщают ни в 1240, ни в 1252, ни в 1264 году. В этом плане несостоятельна не только версия У. Хунга (так как примирительная встреча Ариг-Буги и Хубилая совершенно четко фиксируется в начале сентября 1264 года в Шаньду, а не в Монголии), но и все остальные предложенные датировки.

Единственный год Мыши, который подходит под это основное условие – это 1228 год, в котором начался курултай по избранию кааном Угедея. Именно на нем был составлен текст, описывающий происхождение и жизнь Чингиз-хана и завершающийся его смертью в 1227 году. Текст, датированный колофоном, назывался Cinggis Qahan-

uhujaur. Но так как "корейский" аргумент Нака Митиё, А. Уэйли и Г. Ледьярда оспорить невозможно, И. де Рахивельц предположил, что вторая часть повествования, касающаяся правления Угедея, была написана после 1258 года, по сути являясь самостоятельным произведением, и добавлена к основному тексту уже после падения династии Юань. При этом колофон был перенесен с заключительной части "Происхождения Чингиз-хана" на весь новый текст.

Такая версия формирования текста памятника позволяла объяснить возникновение странных откровений Угедея касательно его собственных действий, так как описание его правления создавалось после прихода к власти потомков Толуя. Но ей явно противоречило название местности Сянь тэ фу, которое официально было закреплено за ней только в 1263 году, и "пророческие" слова Угедея по поводу возможного вырождения его потомков и перехода в будущем власти к другой ветви Чингизидов, так как §247 и §255 относятся к Cinggis Qahan-uhujaur.

Автор указал, что датировка переименования Сянь-тэ-чжоу в Сянь тэ фу не может являться окончательным аргументом. Дело в том, что эту местность именует Сянь тэ фу Пэн Да-я в "Хэй-да ши-люе". Так как он посетил захваченный монголами Северный Китай в 1232 году, а у составителя и редактора текста Сюй Тина не было причин вносить в записи Пэн Да-я подобные правки, можно сделать вывод о том, что, несмотря на достаточно позднее официальное переименование, эта местность была известна как Сянь тэ фу уже с начала 30-х годов XIII века.

Что касается описания избрания Угедея преемником Чингиз-хана в §255, то здесь И. де Рахивельц согласился с позицией П. Пелльо по этому вопросу. Несмотря на то, что этот сюжет предвосхищает дальнейшее развитие событий в Монгольской империи, видеть в нем анахронизм нет достаточных оснований. Сохранились свидетельства источников о разногласиях в процессе выборов нового правителя. Претензии на власть со стороны Толуя, являвшегося тогда регентом, были известны и подкреплялись его статусом младшего в семье, который, согласно монгольским представлениям, давал ему определенные права в вопросе о престолонаследии. Именно они и отразились в тексте.

Ключевым фактом, доказывающим то, что дошедшее до нас произведение состоит из двух в разное время составленных частей и что Cinggis Qahan-uhujaur оканчивалась смертью Чингиз-хана, является содержание "Алтан Тобчи" Лубсан Данзана. Эта хроника, составленная в XVII веке, включает большую часть текста ТИМ (233 из 282 параграфов), что неопровержимо доказывает существование в Монголии того времени сохранившегося исходного текста.

Все параграфы ТИМ, вошедшие в "Алтан Тобчи", взяты из части, посвященной происхождению и жизни Чингиз-хана. В ней ни разу не встречаются фрагменты текста, содержащего описание правления Угедея. Последний параграф ТИМ, цитируемый в "Алтан Тобчи", – это §268. Из этого можно сделать вывод о том, что текст, доступный Лубсан Данзану, не содержал описания правления Угедея и заканчивался смертью Чингиз-хана.

Основываясь на этих положениях, И. де Рахивельц предложил следующую реконструкцию формирования текста памятника. Cinggis Qahan-uhujaur был составлен ровно через год после смерти Чингиз-хана, в седьмом месяце (со 2 по 31 августа) года Мыши 1228, когда все монгольские князья съехались на выборы нового правителя. В том числе

там присутствовали и многие участники событий – люди, близко знавшие Чингиз-хана и его семью, консультация с которыми могла дать эксклюзивный и очень подробный материал для описания жизни основателя империи. Логично, что повествование началось с описания происхождения его семьи и племени, отсюда и название работы. После завершения текста другое название ему так и не было дано, по всей видимости, в связи с отсутствием у монголов устоявшихся литературных традиций.

Затем, с развитием юаньской историографии, Cinggis Qahan-uhujaur был включен в закрытый для посторонних сборник исторических записей под общим названием "Тобчиян". После падения династии Юань многие монголы вынуждены были вернуться в степь. По всей видимости, именно тогда этот текст попал в Монголию и, спустя столетия, был включен в "Алтан Тобчи".

Но как минимум одна копия текста сохранилась в Китае. Чиновники династии Мин обнаружили какую-то часть копии "Тобчиян", куда входили Cinggis Qahan-uhujaur и описание правления Угедея. Они знали, что "Тобчиян" - это секретная история династии Юань. Так попавшие им в руки тексты получили название. Спустя время у минского Китая возникла насущная необходимость сдерживать военную активность монголов. Для этого нужны были дипломаты и переводчики – люди, хорошо знающие монгольский язык и культуру. Но подготовить таких специалистов было непросто, так как в период Юань китайцам строго воспрещалось изучение монгольского языка. Нужно было практическое руководство по его изучению. Задание создать его получила группа ученых Литературного колледжа. Работая над китайской и монгольской лексикой, они искали подходящие для этого тексты, и таким образом столкнулись с фрагментом "Тобчиян", от которого на тот момент сохранились только Cinggis Qahan-uhujaur и описание правления Угедея. Текст содержал массу полезной для них информации, и составители решили объединить две части в единое целое. Именно тогда колофон, первоначально разделявший два повествования, был отнесен в конец текста, а произведение получило название "Юань чао би ши", которое они, вероятно, считали китайским переводом утраченного монгольского названия (Rachewiltz 1965: 185-205).

Наверно, самым важным результатом описанной полемики явилось то, что серьёзным предметом обсуждения стали не только внешние характеристики текста. Стало ясно, что в тексте ТИМ присутствуют анахронизмы, причём речь идет не только об отдельных словах, но и о целых сюжетах. Без объяснения их возникновения датировка текста и анализ его содержания практически невозможны.

В 1972 году вышла краткая и достаточно смелая статья Окада Хидехиро "Тайная история монголов – псевдоисторический роман". Автор утверждал, что ТИМ не является ни фактическим описанием событий из жизни Чингиз-хана, ни героическим эпосом. Скорее, это роман анонимного автора, который изобретал целые исторические эпизоды и искажал доступный ему исторический материал ради достижения нужного литературного эффекта. В качестве аргументов он привёл многочисленные противоречия между описанием событий в ТИМ и аналогичными описаниями в других более надёжных источниках. В рамках историографического обзора мы не сможем затронуть всех сюжетов ТИМ, которые, с точки зрения Окада Хидехиро, являются результатом литературного вымысла ее автора, поэтому рассмотрим только самые важные его выводы на этот счет.

В плане структуры ТИМ он следовал за традицией японской историографии, в которой, начиная с Нака Митие и Исихама Дзюнтаро, как первоначальный текст памятника рассматривалось только повествование вплоть до смерти Теб-Тенгри (первые 246 параграфов), а остальное считалось более поздним дополнением. Этот текст разделяется им на пять частей: 1. Родословная Чингиз-хана (§1-58); 2. его ранние годы жизни (§59-127); его соперничество с Джамухой (§128-149); его отношения с Ван-ханом (§150-201); Чингиз-хан как верховный правитель (§201-246).

Ключевой особенностью второй части, с которой автор начинает свой анализ, является то, что об этом периоде жизни Чингиз-хана из других источников нам не известно практически ничего, кроме самых общих фактов. А эксклюзивные сюжеты из этой части ТИМ не вызывают доверия. Автор отмечает несуразность описания набега трех меркитов на лагерь Темуджина, в ходе которого была похищена Борте. Токта, Даир Усун и Хаатай Дармала, якобы совершившие нападение – это верховные лидеры трех меркитских племен, кочевавших на Селенге. Крайне сложно представить, что все три вождя лично с отрядом в триста человек решили участвовать в разорении лагеря, в котором, согласно источнику, находился только Темуджин с братьями, немногочисленные женщины и Боорчу с Чжелме. Ответный удар по меркитам, в ходе которого была освобождена Борте, также вызывает вопросы. Он якобы привел к их полному разгрому, но впоследствии именно меркиты будут не раз являться одним из самых опасных врагов Темуджина.

Но главный довод, на основании которого Окада Хидехиро признает весь этот сюжет неисторичным, состоит в том, что в самом тексте ТИМ сталкиваются две противоположные друг дугу сюжетные линии, касающиеся ранних взаимоотношений Темуджина и Ван-хана. Сюжетная линия, завершившаяся совместным ударом войск Темуджина, Ван-хана и Джамухи по трем меркитам и освобождением Борте, начинается с того, что после свадьбы с ней сын Есугея вспоминает о побратимстве своего отца с Ван-ханом и отправляет ему "соболью доху", объясняя это тем, что "кто доводится андой моему батюшке, всё равно что отец мне". После этого состоялась их встреча в Тульском Темном Бору, на которой Темуджин еще раз указал на то, что "когда то вы с родителем моим побратались, а стало быть, вместо отца мне; в таком рассуждении я и женился, поэтому я тебе привез свадебный подарок – одежду". После этого происходит нападение трехсот меркитов на его лагерь и пленение Борте, и Темуджин вынужден просить помощи у Ван-хана. В ходе переговоров опять поднимается тема союза по модели "отец-сын": "Разве же я, – говорит Тоорил Ван хан, – разве я в прошлом году не говорил тебе? Вот что сказал я тебе, помнишь, тогда, когда ты, в знак сыновней любви, облачал меня в соболью доху и говорил, что отцовской поры побратим анда – всё равно что отец тебе". То есть, согласно этому сюжету, Темуджин признал Ван-хана отцом после своей свадьбы с Борте, во время их первой встречи в Тульском Темном Бору.

Однако в дальнейшем эта тема из их взаимоотношений просто исчезает. Особенно четко это проявляется при описании в ТИМ тех претензий, которые Темуджин предъявлял главе кераитов перед их решающим столкновением. Там также присутствует отсылка к братскому союзу Ван-хана и Есугея. Но возникновение союза по схеме "отец-сын" между Ван-ханом и Темуджином описывается совершенно по-другому. Эрке хара, брат Ван-хана, с помощью найманского войска вынудил его бежать к каракитаям. Оттуда он также бежал, "скитался по Уйгурским и Тангутским землям", претерпевая лишения, а

затем вернулся. Темуджин в память о братском союзе Ван-хана с Есугеем снабдил его провизией и скотом. Именно тогда в Тульском Темном Бору между ними был заключен союз по схеме "отец-сын", а на следующий год они совершили совместный поход на меркитов Тохтоа беки. На этом основании Окада Хидехиро считает первую версию союза с Ван-ханом и похищения Борте плодом литературной фантазии автора ТИМ.

Другим интересным выводом исследователя является то, что автор ТИМ целенаправленно выделял фигуру Джамухи, придавая ей значимость и для этого искажая реальные исторические события. К примеру, Джамуха не был единственным инициатором сражения тринадцати куреней при Далан балчжутах, так как в реальности он был только одним из тайджиутских вождей. Далее автор украшает предсмертную речь Джамухи изящно аллитерированными стихами, после произнесения которых Чингиз-хан якобы дарит своему старому заклятому другу бескровную смерть: "позволив ему умереть без пролития крови, не бросайте на позорище его праха, но с подобающей почестью предайте погребению". На самом деле, согласно Рашид ад-Дину, Джамуха был расчленен: "Джамукэ сказал: "Право принадлежит вам! У меня была мысль, что я обрету помощь [неба] и разрублю вас на части. Так как поддержка [неба] оказалась на вашей [стороне], быстрей разрубите меня на части!". И он [их] торопил и показывал им свои суставы, [говоря]: „Режьте здесь!"". По мнению Окада Хидехиро, эта сюжетная линия понадобилась автору для того, чтобы показать Чингиз-хана как правителя, обладающего рыцарским кодексом чести и дорожащего дружбой (Okada Hidehiro 1972: 61-67).

Основной вывод исследователя, заключающийся в том, что ТИМ – это шедевр исторической фантастики, по литературному уровню не имеющий себе равных для той эпохи, но не являющийся исторической хроникой, не был поддержан другими исследователями. Но все же Окада Хидехиро, несмотря на ряд спорных выводов, сделал большой шаг вперёд в изучении памятника. Он впервые подошёл к вопросу о существовании в тексте ТИМ не просто отдельных анахронизмов или искажений, но целых сюжетных линий, имеющих определённую внутреннюю логику и включающих анахронизмы, принципиально противоположные по отношению к другим источникам трактовки событий.

Следующий этап дискуссии начался с публикации в 1982 году статьи Ю Да Джуна, посвящённой вопросу датировки ТИМ. Анализируя аргументы предшественников, автор критиковал датировку 1240 годом на том основании, что в это время на территории Монголии источники не фиксируют никакого собрания монгольской знати во главе с кааном. Развивая эту тему, он поставил вопрос о терминологическом и смысловом разделении понятий простого сезонного собрания знати и курултая в монгольской политической культуре.

Ссылаясь на Джувейни и Рашид ад-Дина, Ю Да Джун указывает на то, что в персидской историографии монгольского периода выделяются только два курултая – 1229 года, когда кааном был избран Угедей, и 1235 года, когда решался судьбоносный для империи вопрос о западном походе. Следовательно, курултай не был простым сезонным съездом знати, а созывался в исключительных случаях верховным правителем для принятия наиболее важных государственных решений. Но в таком случае молчание источников о проведении подобного собрания в 1240 году необъяснимо. Также непонятны и причины его созыва. Большая часть влиятельных Чингизидов находилась в западном походе, и

никаких известных нам серьезных вопросов, требовавших немедленного обсуждения, не было. Следовательно, не было и курултая, к которому относится колофон, а теория 1240 года является лишь необоснованным предположением.

Ю Да Джун выделил отдельные сюжеты ТИМ, которые, с его точки зрения, настолько искажают историческую реальность, что не могли быть зафиксированы не только в 1228 или в 1240 годах, но и в ближайшее время после этого. Он также указал на многочисленные анахронизмы, содержащиеся в тексте. Именно эти его выводы крайне важны для понимания того, как формировался текст памятника. Здесь рассмотрены только наиболее значимые из них.

Во-первых, ТИМ в §270 относит отправку Бату, Менгу и других царевичей в великий западный поход к самому началу правления Угедея, хотя в реальности это произошло в 1235 году. Более того, согласно источнику, Субедей не вернулся из своего знаменитого рейда 1220-1224 годов, а продолжал завоевание западных народов, оказывавших ему сопротивление. Царевичи якобы были отправлены ему на помощь. При этом общеизвестным и подкрепленным многими источниками является тот факт, что Субедей вернулся в Монголию в 1224 году, принял активное участие в кампании в Северном Китае и только в 1235 году вместе с царевичами вновь отправился на запад. То, что автор ТИМ объединял два похода в один, подтверждается еще и тем, что в списке народов, которые Субедей должен был завоевать в 1220-е годы, упоминаются "Керел" и "Маджар", которые явно относятся к венграм, подвергшимся нападению в 1241 году. Это означает, что анахронизмы в §262 и §270, которые относятся к правлению Чингиз-хана и правлению Угедея соответственно, принадлежат перу одного автора. Естественно, что в написание подобного в 1240 году, через пять лет после начала похода, который еще даже не завершился, поверить крайне сложно.

Во-вторых, в §260 сообщается о том, что Мухали сопровождал Чингиз-хана в походе на Хорезмийский султанат. Именно он якобы заступился за провинившихся Джучи, Чагатая и Угедея, не выделивших отцу доли из добычи после захвата Ургенча. Однако монголы захватили город весной 1221 года, а царевичи встретились с Чингиз-ханом только в 1222 году. Проблема в том, что китайские источники четко документируют тот факт, что в 1217 году Мухали получил под свое командование войска для завоевания Северного Китая, где и находился вплоть до своей смерти весной 1223 года. Подобный эпизод вряд ли мог быть письменно зафиксирован в 1228 году.

В-третьих, согласно §260, Чормаган был отправлен Чингиз-ханом на завоевание Багдадского халифата. Но все остальные источники четко датируют его вторжение в исламские страны началом правления Угедея. Этот сюжет также мог быть написан только спустя значительный отрезок времени после самого события, когда реалии стали забываться.

В-четвертых, сюжет в §275-277 о ссоре, которая якобы вспыхнула между Бату с одной стороны и Гуюком, Бури и Аргасуном с другой на праздничном пиру в честь завершения западного похода, о жалобе Бату Угедею, об отзыве Гуюка в Монголию и о гневной и унизительной отповеди, которую будущий каан вынужден был выслушать в ставке своего отца, просто не мог произойти в реальности. Автор отмечает, что западный поход закончился уже после смерти Угедея, следовательно, Бату никак не мог отправить ему жалобу об инциденте, произошедшем на пиру в честь его завершения. Более того, согласно

Джувейни и Рашид ад-Дину, Угедей отозвал Гуюка с фронта обратно в Монголию в год своей смерти (1241), и хотя последний очень спешил, известие о кончине отца застало его в районе реки Эмиль. Следовательно, он никак не мог услышать упреки Угедея в его ставке. Автор связывает возникновение этого сюжета с обострением борьбы между Джучидами и Чагатаидами в конце 1240-х – начале 1250-х годов. Оно привело к тому, что после прихода Менгу к власти один из участников этого сюжета в ТИМ, Бури, был казнен по приказу Бату за нанесенные ему оскорбления. Причем Рашид ад-Дин сообщает о том, что пьяные выпады Бури в адрес Бату были высказаны уже в правление Менгу.

В-пятых, Ю Да Джун развил идею Р. Груссе об анахроничности сюжета ТИМ о словах Угедея, якобы допускавшего возможность перехода в будущем власти от его потомков к другим членам династии. Он связал его с сообщением Рашид ад-Дина о том, что во время обсуждения кандидатуры нового каана сторонник Угедеидов Элджидай упрекнул сторонников Менгу в нарушении данной некогда клятвы: "Вы все постановили и сказали, что до тех пор, пока будет от детей Угедей-каана хотя бы один кусок мяса, и если его завернуть в траву, - и корова ту траву не съест, а если его обернуть жиром, - и собака на тот жир не посмотрит, - мы [все же] его примем в ханство, и кто-либо другой не сядет на престол. Почему же теперь вы поступаете по-другому?". Очевидно, что именно версия ТИМ является более поздним искажением реальной клятвы, данной Угедею, так как вряд ли бы во время его интронизации кто-то решился изменить обещание, данное Чингиз-хану при свидетелях. Следовательно, этот сюжет не мог возникнуть при жизни Угедея или его сына Гуюка.

Помимо 1240 года, Ю Да Джун отверг также предложенные ранее датировки 1228-м, 1264-м и более поздними годами. Он критикует лингвистические доводы У. Хунга, сопоставляя текст ТИМ с текстом "Алтан Тобчи", указывая на то, что превращение Сянь-тэ-чжоу в Сянь тэ фу могло произойти при копировании работы и являться результатом ошибки переписчика. Если же отбросить этот аргумент, то нет никаких оснований относить создание памятника к 1264 году, так как отсутствуют какие-либо сообщения о курултае в Монголии, да и положение Ариг-Буга и его людей вряд ли располагало к созданию исторических памятников. Более поздние датировки были отвергнуты по причине бездоказательности – в том числе исходя из того, что спустя долгое время вряд ли было бы возможно описать подвиги Чингиз-хана столь красочно и подробно.

Теорию 1228 года и последующего добавления описания правления Угедея автор отвергал, прежде всего потому, что в этот год Мыши подобное мероприятие в Монголии не проводилось. Великий курултай, на котором кааном был избран Угедей, состоялся в следующем 1229 году Быка, а, следовательно, датировка колофона 1228 годом вообще ни на чем не основана.

Суммируя все анахронизмы или просто искажения исторической реальности, зафиксированной в других более надежных источниках, автор датировал ТИМ 1252 годом Мыши, следующим за курултаем 1251 года, на котором к власти пришел сын Толуя Менгу. Разнобой с датами он объяснил тем, что курултай, начавшийся в 1251 года, продлился достаточно долго, так как, согласно Джувейни, князья разъехались из Монголии до мая 1252 года. При этом текст ТИМ, запись которого началась в 1251 году, был закончен в августе 1252 года. Такой трактовке соответствует возможный перевод той части колофона, на основании которой обычно производится датировка. С его точки

зрения, сообщение можно понять так, что текст был закончен "после того, как собрание было проведено", что вполне подходит под лето 1252 года.

При этом в ссылке, завершающей статью, автор признал, что сообщение об отправке в Корею Есудера на помощь Джалаиртаю является вставкой, попавшей в текст после 1257 года в процессе его исправления (Yu Da-djun 1987: 277-303).

В том же 1987 году И. де Рахивельц опубликовал свои замечания к данной статье. Признавая ряд аргументов Ю Да Джуна справедливыми, исследователь сосредоточил свою критику на некоторых ключевых пунктах его построений. Во-первых, он отметил, что основной аргумент против датировки 1228 годом, а именно отсутствие в этом году Мыши великого курултая, полностью относится и к 1252 году. Автору приходится прибегнуть к лингвистическому обоснованию того, что текст колофона может быть понят как написанный после курултая, а не во время его. Именно это обоснование и не принял И. де Рахивельц, утверждая, что ТИМ не оставляет сомнения в том, что колофон содержит указание на написание текста во время события, а не после него.

Но без этого аргумента вся теория Ю Да Джуна теряла свою основательность. К тому же она никак не учитывала критического возражения А. Мостарта в отношении версии У. Хунга. Создание памятника в 1252 году оставляло лакуну в двенадцать лет между завершением правления Угедея и восшествием на престол Менгу, и никаких объяснений ее возникновения Ю Да Джун не предоставил.

Приведя контраргументы, И. де Рахивельц предложил свое решение проблемы. В своей статье 1965 года он не останавливался на проблеме датировки курултая, приведшего Угедея к власти. Теперь же он обратил внимание на то, что, хотя большинство источников относят это событие к 1229 году, противореча ТИМ, определенные сомнения оставляет описание Джувейни, который сообщает, что собрание произошло на следующий год после смерти Чингиз-хана, то есть в 1228 году.

Две разные датировки автор объяснял тем, что в 1228 и в 1229 году были проведены два отдельных курултая. Оба произошли в одном и том же месте, и на обоих присутствовал Угедей. Впоследствии оба курултая "слились" в источниках в одно событие, датируемое либо 1228, либо 1229 годом. Также он отметил, что версия ТИМ, вошедшая в "Алтан Тобчи Лубсан Данзана, заканчивается §268, то есть смертью Чингиз-хана. Следовательно, версия ТИМ, существовавшая в Монголии в XVII, является первичной по отношению к той версии, которая подверглась редакции в эпоху Мин, когда к ней было добавлено описание правления Угедея, а колофон был перенесен в конец работы.

Исследователь признал, что текст содержит множество анахронизмов, противоречий и ошибок, но при этом продолжил настаивать на том, что все они вполне могли появиться в процессе поздней редактуры памятника, так как его первоначальный текст, по сути, является гипотезой. Основной же текст – "Происхождение Чингиз-хана" - был записан в 1228 году. Интересно отметить, что достоверность текста, опять же, подтверждалась тем, что "многие из рассказов основной части работы таковы, что могут исходить только от участника событий или их непосредственного свидетеля, и именно это, в конечном итоге, и делает ТИМ таким уникальным и ценным документом" (DeRachewiltz 1987: 305-309).

Несложно заметить, что на данном этапе дискуссии И. де Рахивельц по сути проигнорировал основную группу аргументов Ю Да Джуна, а именно – наличие в тексте анахронистичных и политически мотивированных сюжетных линий, связывающих

отдельные части памятника. Собственно, к той же идее вплотную подошел в 1972 году Окада Хидехиро, хотя в следующей своей работе он так и не развил ее.

В 1989 году публикуется новая статья этого японского исследователя, посвященная ТИМ. В ней автор в более широком и структурированном виде изложил свои взгляды на историю памятника. Вслед за другими представителями японской историографии он заключил, что изначальный текст включал первые десять глав и доходил до восшествия Темуджина на монгольский престол. Именно его автор и считает псевдоисторическим романом. Остальное повествование представляет собой сборник слабо связанных между собой рассказов. Единый текст был составлен в 1324 году Мыши после того, как в Монголии был созван великий курултай, на котором кааном был избран Исун-Темур.

Эта наиболее поздняя датировка ТИМ не получила широкой поддержки среди других исследователей. Однако автор сделал ряд важных замечаний, касающихся анахронистических сюжетов в тексте. К примеру, он отметил, что описание в ТИМ кунгратов как мирного племени, которое выживало только благодаря своей сговорчивости и красоте своих дочерей, совершенно не соответствует их воинственной истории до момента их подчинения Чингиз-хану. Окада Хидехиро предположил, что политическая ситуация, способная таким образом отразиться в источнике, могла сложиться только в период правления Хубилая, так как это был первый монгольский каан, старшей женой которого была представительница кунгратов (Okada Hidehiro 1989: 284-292).

В 1993 году в сборнике, посвященном знаменитым соратникам Чингиз-хана, вышла статья П. Рачневского о Шиги-Хутуху. Анализируя ключевые моменты биографии своего героя, автор обратил внимание на то, что в ТИМ и у Рашид ад-Дина одни и те же сюжеты освещены принципиально по-разному, причем в более позднем труде персидского историка их описание явно более реалистично.

В первую очередь речь идет о происхождении Шиги-Хутуху. Согласно ТИМ, после совместного разгрома татар кераитским Ван-ханом и Темуджином, на разоренном стойбище был обнаружен маленький мальчик, одетый в дорогую одежду, что говорило о его благородном происхождении. Тэмуджин подобрал его и подарил своей матери Оэлун, которая назвала его Шиги-Хутуху и стала воспитывать его как своего приемного сына. Фактически, согласно ТИМ, он являлся названным братом Тэмуджина.

У Рашид ад-Дина содержится несколько иной вариант этой истории. Речь также идет об обнаружении мальчика после разорения татарского народа, однако отсутствует привязка к совместным действиям Темуджина и Ван-хана. Самое же важное отличие состоит в том, что, согласно этому источнику, Шиги-Хутуху был подарен не матери Темуджина Оэлун, а его жене Борте по причине того, что у пары не было детей, которых она очень хотела. Воспитанный ими как сын, он называл Темуджина отцом. Со ссылкой на устный рассказ Рашид ад-Дин приводит достаточно трогательное описание того, как уже взрослый Шиги-Хутуху рыдал на могиле своей приемной матери.

П. Рачневский совершенно справедливо отметил, что версия ТИМ абсолютно не согласуется как с данными других источников, так и с ее собственным дальнейшим содержанием. Совместный поход Темуджина и Ван-хана против татар – это, безусловно, произошедшая в 1196 году акция, в ходе которой они поддержали наступление армии Цзинь против этого племени, враждебного и кераитам, и монголам. Но такая датировка делает рассказ ТИМ совершенно неправдоподобным.

Во-первых, самая маленькая возможная разница в возрасте между Темуджином и Шиги-Хутуху в таком случае составляла примерно тридцать лет. Вариант Рашид ад-Дина об усыновлении ввиду отсутствия собственных детей вполне логичен и, более того, объясняет последующее его высокое положение и теплое отношение Чингиз-хана и Угедея. Но совершенно непонятно, зачем Темуджину понадобилось наделять оставшегося без родителей ребенка статусом своего брата.

Во-вторых, то, что, согласно ТИМ, в 1196 году Шиги-Хутуху был малолетним ребенком, делает невозможным и тот разговор, который якобы состоялся между ним и Чингиз-ханом в 1206 году, когда речь зашла о его заслугах и о должном вознаграждении, и назначение его верховным судьей. Кстати, в этом сюжете Чингиз-хан также называет его братом. В реальности столкновение с татарами, в ходе которого был найден Шиги-Хутуху, должно было произойти значительно раньше.

Исследователь выделил еще два сюжета ТИМ, связанные с Шиги-Хутуху, в которых описание сфокусировано именно на нем. Во-первых, речь идет о действиях монголов в Северном Китае в 1215 году. Тогда Чингиз-хан отправил Шиги-Хутуху, Онгура бавурчи, Архай Хасара в Чжунду, чтобы забрать оттуда и доставить к нему находящиеся в городе сокровища. Наместник цзиньского императора Хадай попытался задобрить представителей Чингиз-хана, предложив им богатые дары. Онгур бавурчи и Архай Хасар приняли подношения, а Шиги-Хутуху отказался, мотивируя это тем, что все сокровища, ранее принадлежавшие императору, теперь принадлежат Чингиз-хану, и у Хадая нет прав и оснований раздаривать их по своему усмотрению. Когда Чингиз-хан узнал о произошедшем, он похвалил Шиги-Хутуху, а проявивших чрезмерную жадность Онгура бавурчи и Архай Хасара он подверг суровому порицанию.

П. Рачневский обратил внимание на то, что, хотя очень близкое описание произошедшего и присутствует у Рашид ад-Дина, в ШУЦЖЛ и в "Юань ши", именно версия ТИМ сосредотачивает описание на фигуре Шиги-Хутуху. Его слова дважды передаются дословно, его встреча с Хадаем перед городскими воротами описывается подробно, а последнее предложение, завершающее похвалу Чингиз-хана в его сторону "Не ты ли, Шиги Хутуху, – око смотрения моего и ухо слушания моего" не встречается в других источниках.

Во-вторых, явно комплиментарный по отношению к нему характер имеет описание действий монгольской армии во время войны с Хорезмийским султанатом. Труды Джувейни и Рашид ад-Дина содержат подробное описание битвы при Парване, в которой армия Джалал ад-Дина наголову разгромила войско во главе с Шиги Хутуху. Собственно, это было единственное серьезное поражение монголов в ходе этой кампании. ШУЦЖЛ и "Юань ши" описывают происшедшее весьма кратко, но все же версия ТИМ отличается и от них, в том числе краткостью сообщения о поражении Шиги-Хутуху.

Эта цепочка взаимосвязанных сюжетов, соединяющая отдельные части произведения, заинтересовала автора статьи в связи с существующей версией о том, что именно Шиги-Хутуху был автором ТИМ. Именно эта сюжетная линия, всячески возвеличивавшая его и прикрывавшая его неудачи, искажая при этом историческую реальность, стала для П. Рачневского серьезным аргументом в пользу предполагаемого авторства текста.

Сам генезис ТИМ он рассматривал в целом в том же ключе, что и И. де Рахивельц. П. Рачневский отрицал возможность датирования колофона 1240 и 1264 годами на том

основании, что источники не фиксируют проведение "великого курултая" в Монголии в это время. Версию Ю Да Джуна о связи текста с курултаем по интронизации Менгу он отбросил, полагая, что этот правитель "пришел к власти против воли Чингиз-хана", и поэтому вряд ли был заинтересован в излишнем внимании к его фигуре. Этот очевидно спорный вывод основан на предположении автора о том, что Шиги-Хутуху как хранитель древних степных традиций был против кандидатуры Менгу, и поэтому после его прихода к власти, хотя и не был подвергнут репрессиям как заговорщик, но потерял свое влияние при дворе. Естественно, что в таком случае появление комплементарной по отношению к нему цепочки анахронизмов в ТИМ в начале 50-х годов было невозможно.

Следовательно, оставался только один возможный вариант датировки – 1228 год. В этом году, по мнению автора, состоялся курултай по избранию Угедея, на котором ТИМ была составлена и торжественно преподнесена новому правителю. Первоначальное повествование доходило до смерти Чингиз-хана и заканчивалось колофоном. Впоследствии к тексту были добавлены §269-281, содержащие описание правления Угедея, что объясняет их отсутствие в тексте "Алтан Тобчи". При добавлении изначальный текст был переработан, отредактирован и дополнен. Это объясняет присутствующие в нем анахронизмы, к примеру, именование Чингиз-хана кааном, хотя известно, что этот титул стал использовать только Угедей (Ratchnevsky 1993: 75–94).

В 2004 году выходит перевод ТИМ на английский язык И. де Рахивельца, снабженный подробными комментариями и введением, представляющим собой обширное историческое и литературное исследование памятника. В целом автор остался верен той системе взглядов на происхождение текста, которую он изложил в своей статье 1965 года. Он продолжил критику альтернативных датировок памятника, приведя ряд новых аргументов. К примеру, он справедливо указал, что версия 1324 года Мыши, выдвинутая Окада Хидехиро, не может быть принята, так как курултай в Коде-арале, на котором кааном был избран Исун-Темур, совершенно четко датируется источниками 1323 годом Свиньи.

Однако выявление многочисленных анахронизмов и политически мотивированных искажений исторических событий в ТИМ потребовало определенной корректировки старой системы аргументации. Она, прежде всего, заключалась в положении о том, что текст "Происхождения Чингиз-хана", составленный во время великого курултая 1228 года, в период правления Хубилая и его преемников, подвергался разнообразным изменениям со стороны неизвестных редакторов, которые сочли нужным "улучшить" оригинал, исходя из новых политических реалий.

Эти изменения происходили в нескольких направлениях: 1 – введение в текст нового материала, включая, прежде всего, сюжеты, имеющие протолуидскую направленность и, следовательно, выгодные сыну Толуя Хубилаю и его потомкам; 2 – в связи с той же изменившейся политической ситуацией произошло удаление упоминаний о некоторых событиях и лицах, например, о бывшем канцлере Чинкае; 3 – произошло анахронистическое изменение титулов для воздаяния посмертных почестей предкам Чингиз-хана, выразившееся в применении к ним титула каан, который впервые стал использоваться только Угедеем.

Вмешиваясь в текст, редакторы также могли иногда изменять порядок изложения исторического материала, что могло бы объяснить некоторые пробелы и внутренние несоответствия, обнаруженные в нем. Пересмотр, по всей видимости, был постепенным

процессом и, учитывая характер работы, полностью выполнялся монгольскими чиновниками или, что еще более вероятно, членами имперского рода. Хотя дату пересмотра установить нельзя, большинство изменений было внесено во время правления Хубилая, когда монгольский двор стал проявлять активный интерес к формированию собственного исторического нарратива.

Эта новая, исправленная версия текста сильно отличалась от своей основы, составленной в 1228 году, что подтверждает сопоставление ее текста с "Алтан Тобчи". В какой-то момент к ней был добавлен текст, содержащий описание правления Угедея, который, возможно, так и не был завершен или мог попасть в архивы двора Хубилая во фрагментарном состоянии из-за конфликта между Угедеидами и Толуидами. На основании того, что, несмотря на анахронистическое использование титула "каан" по отношению к Чингиз-хану и его предкам, ни Гуюк, ни Мунке кааном или ханом ни разу не названы, исследователь предположил, что этот раздел ТИМ, в котором и встречаются их имена, был написан до 1246 года или, во всяком случае, до 1251 года. Однако и он подвергался последующей редактуре, что подтверждается присутствующим в нем сообщением о событиях в Корее, которое могло появиться только после 1258 года. Также И. де Рахивельц поддержал идею П. Рачневского о Шиги-Хутуху как об авторе или составителе ТИМ и его основные аргументы на этот счёт, так как они хорошо объясняли странности этой сюжетной линии.

Автор расширил и свою аргументацию касательно соотношения текстов ТИМ и "Алтан Тобчи". К уже отмечавшемуся им факту, что в тексте Лубсан Данзана отсутствует раздел, посвященный Угедею, было добавлено еще одно наблюдение. В тексте "Алтан Тобчи" отсутствует описание ссоры между Джучи и Чагатаем и последующее обсуждение вопроса о престолонаследии. В то же время сообщения как из предшествующего, так и из последующего повествования в тексте "Алтан Тобчи" есть. Тот факт, что этот сюжет имеет протолуидскую направленность и, видимо, был записан после 1251 года, уже отмечался. Следовательно, в "Алтан Тобчи" содержится более ранний вариант текста, к которому впоследствии был не только добавлен раздел о правлении Угедея, но и в само повествование был включен явно анахронистический сюжет, выставляющий как Джучи, так и Чагатая в дурном свете (Rachewiltz 2004: XXV-Xliv, lvii – lix).

В 2007 году К. Этвуд публиковал большую статью, посвященную датировке ТИМ, в которой выдвинул версию единого текста, не подвергавшегося значительной последующей редактуре и написанного в 1252 год Мыши, как наиболее вероятную. В ней автор признаёт наличие анахронизмов в тексте важным датирующим признаком и делит их на две группы. К первой он относит анахронизмы, касающиеся отдельных терминов и их написания. Речь в первую очередь идет о вариантах написания отдельных топонимов (Сянь-тэ-чжоу–Сянь тэ фу) и использования определенной титулатуры (хан/каан), выдающих более позднее влияние на текст. Анахронизмы этой группы, строго говоря, не могут являться серьезным датирующим признаком, так как они принципиально не влияют на содержание текста, и нет никакой гарантии, что их появление не связано с деятельностью многочисленных переписчиков, которые, безусловно, существовали. Ко второй группе относятся анахронизмы, "глубоко укоренившиеся в тексте", то есть сильно влияющие на структуру повествования. Их появление не могло быть связано с более или менее поверхностной редакторской работой или влиянием переписчика. Они могли

появиться в тексте либо в процессе его написания, либо в процессе принципиальной и глубокой переработки старой текстовой основы, по сути означающей создание нового произведения. Следовательно, именно при их помощи можно определить самую раннюю возможную дату этого события. Принимая условное деление текста на три части, К. Этвуд проанализировал распределение по ним анахронистических сюжетов.

В первой части памятника, повествование которой доходит до 1210 года, анахронизмов выделяется относительно немного. Прежде всего это связано с немногочисленностью и краткостью сообщений альтернативных источников, освещающих ранний период формирования Монгольской империи. Но, тем не менее, они есть.

К наиболее важным анахронизмам, выделяемым в первой части, относятся:

1 – неверная датировка второго восстания меркитов и погони за ними Субедея 1205 годом (§198-199). И Рашид ад-Дин, и ШУЦЖЛ относят это событие к 1217 году. Представить себе подобную ошибку в тексте, написанном в 1228 году, крайне сложно.

2 – ТИМ датирует присвоение Мухали титула "гуй онг" 1206 годом (§206), тогда как у Рашид ад-Дина, в ШУЦЖЛ и в биографии Мухали в "Юань ши" это происходит в 1217 году. Более того, в ТИМ "гуй онг" рассматривается исключительно как почетный титул, не связанный с положением Мухали в Северном Китае, хотя на самом деле он изначально маркировал его статус наместника. Когда Мухали и Боорчу получают удел в Северном Китае (§266), то, согласно ТИМ, это происходит незадолго до смерти Чингиз-хана и не в большем масштабе, чем в случае с остальными аристократами их уровня. Подобный анахронизм мог появиться в тексте только после 1229 года, когда семья Мухали лишилась широких гражданских и военных полномочий, и его потомкам достался только титул "гуй онг". Особую политическую актуальность он приобретет в правление Менгу, когда влияние и престиж семьи Мухали особенно ослабнут.

3 – автор полностью принял аргументацию П. Рачневского касательно целенаправленного искажения ключевых моментов биографии Шиги-Хутуху. Он также указал на то, что назначение его главным судьей и переписчиком населения оседлых территорий датируется 1206 годом только в ТИМ (§203). Все остальные источники датируют это событие 1234-1235 годами. Более того, даже внутри ТИМ присутствует противоречащее этой версии сообщение о том, что судьей при Чингиз-хане был его брат Бельгутай, которое подтверждается данными "Юань ши". То есть практически все сообщения ТИМ, касающиеся Шиги-Хутуху, имеют совершенно определенный политический уклон, который мог проявиться только после его назначения гражданским администратором Северного Китая в 1234-1235 годах. После смерти Угедея он, по всей видимости, потерял свой пост и вернул себе политическое влияние только в начальный период правления Менгу. Следовательно, анахронистическая сюжетная линия, посвященная Шиги-Хутуху, не могла возникнуть раньше 1234-1235 года, но более вероятно, что она была зафиксирована в правление Менгу, когда состояние исторической памяти о событиях времен Чингиз-хана и Угедея стало позволять подобный уровень искажений.

Подводя итог исследованию первой части текста, К. Этвуд заключает, что она должна датироваться временем после 30-х годов XIII века и наиболее естественно вписалась бы в период правления Менгу, когда Шиги-Хутуху вновь получил звание старшего государственного деятеля, а семья Мухали окончательно потеряла свое влияние. В любом случае указанные анахронизмы очень глубоко включены в структуру повествования, и

значит, что никакое простое поверхностное редактирование текста после 1228 года не могло дать тот вариант первой части, который доступен нам сегодня. Таким образом, по всей видимости, он был либо написан, либо тщательно отредактирован когда-то после 1237 года и, вероятно, во время правления Менгу после 1251 года.

К наиболее важным анахронизмам, выделяемым во второй части, относятся:

1 – присутствие Мухали в лагере Чингиз-хана во время монголо-хорезмийской войны, около 1221 года (§260). Согласно другим источникам, он находился в Северном Китае с того момента, как был назначен там наместником в 1217 году и до своей смерти в 1223 году;

2 – согласно ТИМ (§260), Чингиз-хан отправляет Чормагана на восток для нападения на Багдадский халифат в 1221 году, тогда как все остальные источники сообщают о начале его выдвижения в поход по приказу Угедея в 1228 или 1229 году;

3 – Махмуд Ялавач и его сын Масудбег были назначены управляющими всех городов империи около 1223 года, когда Чингиз-хан, покидая Мавераннахр, отправился в Монголию. Масудбег получил в управление азиатские города, а его отец – Чжунду и Северный Китай (§263). Однако, согласно остальным вполне авторитетным источникам, Ялавач был назначен управляющим в Мавераннахре в начале правления Угедея в 1229 году. Только в 1241 году он был переведен в Северный Китай, оставив своего сына Масудбега вместо себя. Оба управленца были отправлены в отставку во время регентства Туракины (1242-1246) и вернули свое положение в 1246 году, благодаря пришедшему к власти Гуюку. Следовательно, хотя само событие и произошло в 1241 году, вряд ли этот отрывок мог быть написан до 1246 года;

4 – слова Угедея касательно возможной несостоятельности его потомков, фактически поддержанные Чингиз-ханом (§254), согласно Рашид ад-Дину, являлись аргументом сторонников Угедея и его потомков, который использовался во время споров о престолонаследии во второй половине 1240-х годов. Но только после толуидского переворота 1251 года вариант клятвы, сохранивший форму, но приобретший прямо противоположный смысл, мог стать общепринятым.

На основании этих и других особенностей описания событий в ТИМ автор заключает, что второй раздел не мог быть написан при жизни Угедея, и самой ранней хронологической границей, определяющей время его возможного написания, является 1251 год, когда к власти пришел сын Толуя Менгу, оттеснив Угедеидов.

В третьей части, где речь идет о правлении Угедея, также присутствуют анахронизмы:

1 – отзыв Гуюка с фронта и его унизительный разговор с отцом, состоявшийся после оскорблений, брошенных на праздничном пиру в сторону Бату (§276). Как уже отмечалось выше, эта встреча Угедея и Гуюка просто не могла состояться;

2 – сам факт, что оскорбления были произнесены во время великого западного похода, вызывает у автора сомнение на основе того, что Рашид ад-Дин относит это событие к периоду правления Менгу, а сообщение Рубрука не дает оснований для четкой хронологической привязки. Но все же допуская возможность того, что оскорбления были произнесены в период правления Угедея, он полагает, что публичное упоминание этого инцидента стало возможно только после фактического осуждения и наказания преступников, то есть после 1251 года;

3 – сообщение об отправке Есудера-хорчив Корею, на помощь Джалаиртаю-хорчи, не могло появиться в тексте раньше 1258 года;

4 – сообщение о четырех "проступках" Угедея не могло появиться в тексте в период его правления и, скорее всего, не появилось бы в нем во время пребывания у власти его потомков. Только после переворота 1251 года, закончившегося для Угедеидов катастрофой, подобное сообщение стало бы вполне уместным в официальном монгольском тексте.

Сумма этих данных позволила К. Этвуду заключить, что самой ранней возможной датой написания третьей части текста является 1251 год.

Автор рассмотрел и наиболее позднюю возможную датировку написания текста. Он отбросил возможность того, что ТИМ в современном ее виде могла быть создана при дворе Хубилая на основании того, что ее текст, с одной стороны, явно связан с текстом ШУЦЖЛ, а с другой, сильно от него отличается. ШУЦЖЛ, созданная при дворе Хубилая, очень близка к ТИМ, но в то же время отличается большей географической и хронологической точностью, отсутствием или меньшим использованием личного подхода в описании событий. Если она отражает историографические традиции при дворе Хубилая, а сомневаться в этом не приходится, следовательно, текст ТИМ возник до этого и отражает состояние историографии при дворе Менгу.

Невозможность такой датировки подтверждается и явно преувеличенной ролью Махмуда Ялавача. Дело в том, что между ним и окружением Хубилая имел место серьезный конфликт в период с 1252 по 1254 гг., в результате которого влиятельный хорезмиец потерял свою должность и вскоре умер. Любой историк при дворе Хубилая должен был быть хорошо осведомлен о том, что Ялавач не был выбран Чингиз-ханом для управления Северным Китаем. Примечательно также, что в ТИМ из чиновников-иностранцев демонстративно упоминаются только туркестанские мусульмане, а роль уйгуров и киданей замалчивается. Такая ситуация была вполне объяснима для двора Менгу, который действительно предпочитал мусульман представителям других конфессий, однако абсолютно нетипична для двора Хубилая, к мусульманам относившегося враждебно.

В целом К. Этвуд рассматривает ТИМ как единый текст, пронизанный политическими мотивами и предпочтениями и созданный при дворе Менгу, по всей видимости, в 1252 году. Он допускает возможность существования некоего предшествующего памятника, на основе которого потом был создан ТИМ, но указывает на то, что анахронизмы и политически мотивированные сюжетные линии пронизывают весь текст и очень глубоко проникают в структуру повествования. Даже если вести речь об их возникновении в результате последующей правки текста, она должна была быть настолько масштабной, что, по сути, означала создание нового произведения.

Стоит особо подчеркнуть три совершенно новых для этой темы идеи автора, важных для дальнейшего обсуждения.

Во-первых, обнаружение сообщения о событии, по статусу напоминающем курултай, в 1252 году. С одной стороны, тем самым К. Этвуд поставил под сомнение версию Ю Да Джуна, согласно которой только собрание, зафиксированное в источниках как "курултай" или "великий курултай", может рассматриваться как тот съезд, в ходе которого был записан текст ТИМ. В то же время он отметил, что никаких прямых сообщений о курултаях в 1228, 1240, 1264 и 1324 годах действительно не существует. Сторонникам этих версий приходится создавать более или менее сложные конструкции, объясняющие, почему

курултай в год Мыши не отмечен в источниках (1240, 1264) или отмечен под другим годом (1228, 1324). Но в "Юань ши" под 1252 годом сообщается, что "Осенью, в седьмой луне (7 августа – 6 сентября), [Менгу] дал повеление: Хубилаю – идти походом на Дали; чжуванам Турхаху и Сали – идти походом на Индию; Кит-Буге – идти походом на Михрин; Хулагу – идти походом на все страны султана в Западном крае". Известно, что решения такого масштаба оглашались на больших собраниях знати, и, следовательно, нет оснований заявлять, что событие, которое в ТИМ могло быть названо "великий курултай", в 1252 году не происходило.

Во-вторых, автор подверг сомнению крайне распространенное представление о том, что "Алтан Тобчи" сохранил более ранний текст протографа, и изначальный вариант ТИМ надо определять именно по нему. Но и текст "Алтан Тобчи" содержит анахронизмы, глубоко включенные в повествование, и явно написанные после 1228 года. Речь, к примеру, идет о статусе Махмуда Ялавача. Отсутствие же указанных сюжетов можно объяснить и по-другому. Конфликт перед монголо-хорезмийской войной мог быть удален из текста из-за своей очевидной скандальности, ведь в ходе него сын Чингиз-хана не только объявлял о том, что его старший брат не является его кровной родней, но и, по сути, утверждал, что их мать и старшая жена Чингиз-хана была изнасилована. Эта история должна была восприниматься последующими поколениями монголов как глубоко оскорбительная. Описание правления Угедея могло быть не включено в текст "Алтан Тобчи" потому, что к XVII веку, когда был вновь открыт текст ТИМ, в Монголии уже сформировалась определенная историографическая традиция, описывающая правление Чингиз-хана и Угедея. Согласно этой традиции, завоевание народов закончил Чингиз-хан, а Угедей прославился как защитник буддизма. Его правление описывается всегда на основе тибетских источников. В этом контексте описание его правления в ТИМ выглядело бы совершенно неуместным анахронизмом. К тому же в "Алтан Тобчи" есть большая лакуна с §177 до §207. Однако в другом монгольском историческом сочинении XVII века, "Аасаргач инерет уинтеуке", автор которого также использовал текст ТИМ, присутствуют сообщения из этой ее части. Это значит, что в XVII веке в Монголии существовал более полный текст, нежели тот, которым пользовался Лубсан Данзан, или же пробел в его произведении произошел из-за удаления им этой части повествования.

В-третьих, автор справедливо отметил, что именно в 1252 году находившийся в Монголии Джувейни получил в ставке Менгу распоряжение написать исторический труд, описывающий его приход к власти (Atwood 2007a: 1-44). Хотя К. Этвуд и не сформулировал эту мысль напрямую, гипотеза о связи этих двух очень разных исторических произведений в рамках некоей единой историко-идеологической политики кажется вполне перспективной. В целом же данная статья стала большим шагом вперед в изучении ТИМ.

В том же 2007 году в статье, посвященной информаторам автора ТИМ, К. Этвуд развил эту мысль, указав, что датировка памятника 1252 годом позволяет по-другому взглянуть на вопрос о его авторстве. Все предложенные до этого варианты основывались на идее ранней датировки ТИМ, когда многие из участников событий были еще живы, а грамотность среди монголов была распространена еще очень слабо. Поэтому выдвигались кандидатуры людей, связанных с бюрократической работой – таких, как Шиги-Хутуху, Тата-Тунг, Чинкай. Однако в начале 1250-х годов большинство участников событий

были уже мертвы. Подробные рассказы о них, крайне напоминающие устную традицию, вполне могли быть либо рассказаны автору намного лет ранее и воспроизводиться по памяти, либо переданы ему кем-то из окружения этих людей, что объясняет зачастую неправдоподобный и гипертрофированный характер повествования. К примеру, автор полагает, что возникновение сюжетной линии, связанной с Шиги-Хутуху, с большей вероятностью объясняется не его авторством, а общением автора ТИМ с информатором из его потомков или младшего окружения – человеком, им восхищавшимся и стремившимся преувеличить его значение в истории ранней Монгольской империи (Atwood 2007b: 27-39).

В 2008 году И. де Рахивельц опубликовал свой ответ на статью К. Этвуда, который можно считать определенным итогом дискуссии на настоящий момент.

Во-первых, он указал на необходимость разделения собственно анахронизмов, таких, как, к примеру, отправка Чормагана в Иран Чингиз-ханом, а не Угедеем, и противоречий с другими источниками, которые не обязательно могут решаться в пользу последних, опровергая версию ТИМ.

Во-вторых, детально проанализировав передвижения Менгу в 1252 году, прежде всего на основании данных "Юань ши", он показал, что "великий курултай" не мог быть проведен в Кодее арале в седьмом месяце этого года Мыши. Менгу не покидал Кодее арал до первого месяца весны (12 февраля - 9 мая) 1252 года, занимаясь государственными делами в ставке. Он вернулся в Кара-Корум летом (10 мая – 6 августа) 1252 года и именно в столице огласил те распоряжения царевичам, которые, с точки зрения К. Этвуда, означали проведение курултая. А в восьмом месяце на восьмой день (13 сентября) Менгу совершал жертвоприношение на горе к западу от Кукунора, озера к юго-востоку от Кара-Корума. Таким образом, автор убедительно показал, что в седьмом месяце 1252 года Мыши великий курултай в Кодее арале не проводился, и колофон ТИМ датироваться этим годом не может.

В-третьих, И. де Рахивельц признал, что 1228 год на основании тех же условий также не может быть признан датой колофона без определенного количества допущений. Дело в том, что автор не принял точку зрения К. Этвуда о том, что все монгольские ежегодные собрания подходили под определение колофона, а характеристика "великий" применялась ситуативно и не может считаться серьезным аргументом в вопросе датировки. Доказывая невозможность проведения собрания в 1252 году, он настаивал на том, что в монгольской политической культуре того времени существовало четкое разделение понятий "курултай" и "великий курултай". Если первый термин применялся к обычному сезонному съезду знати, то второй использовался для определения собрания всей знати, избиравшего нового правителя, которое по традиции проходило именно в месте главного лагеря, великой орды Чингиз-хана, то есть в Кодее арале.

Но проблема в том, что, хотя ШУЦЖЛ и говорит о собрании, этот курултай не мог быть великим, так как таковым, безусловно, являлся курултай следующего 1229 года Быка, избравший кааном Угедея. Следовательно, и здесь нельзя установить прямой связи колофона с конкретным историческим событием. И. де Рахивельц предположил, что, поскольку в ТИМ существует очевидная ошибка в датировке прихода Угедея к власти (1228 год Мыши вместо подтвержденного другими источниками 1229 года Быка), возможно, что аналогичная ошибка произошла и при записи колофона, который также

должен датироваться годом Быка. Однако сам автор признал, что это лишь гипотеза (De Rachewiltz 2008: 150-184).

В том же 2008 году была опубликована глубокая и интересная статья Нобухиро Уно, посвященная ТИМ. Исследователь не поднимал в ней вопроса о датировке памятника, но он, развивая идеи П. Рачневского и Окада Хидехиро, рассмотрел отдельные литературные приемы, использованные автором при написании текста на примере трех сюжетов.

Во-первых, он продолжил анализ ситуации, связанной с якобы имевшим место усыновлением Темуджином четырех детей, представителей покоренных им племенных групп. Полностью признав правоту выводов П. Рачневского о том, что ключевые моменты биографии Шиги-Хутуху, содержащиеся в ТИМ, противоречат не только более логичной версии Рашид ад-Дина, но и внутренней структуре самого ее текста, он отметил, что и с другими тремя приемными детьми возникают сложности. Согласно ТИМ, помимо Шиги-Хутуху, усыновленного после разгрома татар, Чингиз-хан передал своей матери Оэлун еще трех детей-сирот, попавших к нему при аналогичных обстоятельствах: Кучу после разгрома меркитов (§114), Кокочу после разгрома тайджиутов (§119), Борохул после разгрома джуркинцев (§137).

Проблема состоит в том, что, во-первых, о Кучу и Кокочу сведений вообще крайне мало, что вызывает недоумение, учитывая их высокий статус названных братьев основателя империи. Во-вторых, Борохул, который во время разгрома джуркинцев, то есть около 1197 года, якобы был маленьким мальчиком и был подарен Оэлун джалаиром Чжебке, спустя несколько лет не только участвует в войне с найманами, но и назван в числе четырех "богатырей кулюков" Чингиз-хана, что делает описание его усыновления бессмысленным.

Нобухиро Уно заключил, что в основе повествования лежал реальный факт усыновления Темуджином Шиги-Хутуху, который превратился в историю об усыновлении матерью Чингиз-хана четырех детей из покоренных племен. То есть этот сюжет не выдумывался полностью, с нуля, но был основан на информации об известном событии, которую автор ТИМ развил и трансформировал в нужном ему направлении, придав истории смысл, прямо противоположный изначальному. По мнению исследователя, целью этой трансформации была трансляция идеи о том, что Чингиз-хан был милосерден к покоренным народам, дети которых (в том числе и его заклятых врагов татар) могли стать не просто полноправными, но и вполне влиятельными членами имперской элиты.

Подобной же трансформацией он объяснял известное противоречие, касающееся татарских детей. Согласно ТИМ, после окончательного разгрома и фактически полного уничтожения татар малолетние дети "ростом ниже тележной чеки" были оставлены в живых и обращены в рабство. Однако, согласно Рашид ад-Дину, Чингиз-хан приказал уничтожить всех татар, в том числе и малолетних детей. То есть в реальности речь шла именно о геноциде, доходившем до вспарывания животов беременным женщинам.

Второй сюжет касается убийства Теб-Тенгри. И здесь версии Рашид ад-Дина и ТИМ при всей их внешней схожести сильно различаются, причем последняя также вызывает серьезные сомнения. Оба источника единодушны в том, что отца Теб-Тенгри звали Мунлик-эчигэ, при том что "этчигэ" на монгольском означает "отец". Мунлик-эчигэ спас Чингиз-хану жизнь, предупредив его о засаде, в которую его заманивал глава кераитов Ван хан в 1203 году. Его сын Теб-Тенгри мог предсказывать будущее и имел определенное

влияние на Чингиз-хана, но в какой-то момент вызвал его гнев, за что и поплатился. Он был выброшен из юрты и убит братом Чингиз-хана. Его отец находился там же. Он не ожидал, что его сына убьют и поднял упавшую во время борьбы шапку.

Но, помимо очевидного сходства, у двух вариантов этой истории есть и серьезные различия. Во-первых, согласно ТИМ, Мунлик был сыном хонхотанца Чарха-эбугена. Он присутствовал при кончине отца Чингиз-хана Есугей-багатура и получил от него распоряжение позаботиться о его семье, в том числе и о юном Темуджине, почему и стал называться "этчигэ". Отец Мунлика Чарха-эбуген до конца остался верен семье Есугея и погиб, пытаясь вернуть откочевавших от них людей. С другой стороны, у Рашид ад-Дина о происхождении Мунлика не говорится ничего, кроме того, что он происходил из племени хонхотан. О гибели Чарха-эбугена в ходе конфликта, возникшего после смерти Есугея, и о его хонхотанском происхождении также сообщается, но вне какой-либо связи с Мунликом. Последний появляется у Рашид ад-Дина только в контексте кераитского заговора. Происхождение прозвища "этчигэ" объясняется совершенно по-другому – Чингиз-хан возвысил его настолько, что выдал за него свою мать Оэлун. Таким образом, Мунлик стал его приемным отцом, и приставка "этчигэ" к его имени была вполне уместна.

Во-вторых, согласно ТИМ, конфликт с Теб-Тенгри возник из-за того, что он сначала оговорил перед Чингиз-ханом его брата Джучи-Хасара, и тот был подвергнут наказанию (перед этим братья Теб-Тенгри избили Джучи-Хасара), а затем жестоко унизил другого его брата – Темуге-Отчигина. Именно он, а точнее его люди, осуществили убийство Теб-Тенгри, сломав ему позвоночник после вызова на борцовский поединок. При этом Чингиз-хан не отдавал прямого приказа об убийстве, оставив окончательное решение на усмотрение своего оскорбленного брата. Согласно Рашид ад-Дину, конфликт произошел именно между Чингиз-ханом и Теб-Тенгри, и именно Чингиз-хан отдал поручение убить его, причем исполнил его волю Джучи-Хасар, известный как непревзойденный борец.

На основании анализа этих расхождений Нобухиро Уно пришел к выводу, что автор ТИМ пытался скрыть факт повторного брака Оэлун, но в то же время объяснить то, почему Мунлик именовался "отцом" Чингиз-хана. Поэтому ему пришлось связать Мунлика с хонхотанцем Чарха-эбугеном, "сконструировав" их родство, и предсмертную просьбу Есугея позаботиться о его семье. При этом он также стремился устранить прямую причинно-следственную связь между решением Чингиз-хана и смертью Теб-Тенгри, пытаясь скрыть факт убийства Чингиз-ханом своего названного брата. Следовательно, данный сюжет также представляет собой переработку, идеологически мотивированную трансформацию реального исторического факта.

В то же время исследователь показал, что принцип приоритета Рашид ад-Дина и других источников над данными ТИМ работает далеко не всегда. Прямое указание на первую интронизацию Чингиз-хана (§123) присутствует только в ТИМ. Прямых сообщений об этом событии нет ни у Рашид ад-Дина, ни в "Юань ши", что, казалось бы, должно поставить его реальность под сомнение. Однако в этих источниках есть косвенные указания на него. Дело в том, что в ТИМ об этом событии вспоминается еще и в §179, когда, после уже упоминавшегося послания к Ван хану, Чингиз-хан обратился к избиравшим его ханом Алтану и Хучару, обвиняя их в нарушении клятвы. Именно эта информация в этом же контексте отразилась в "Юань ши" и у Рашид ад-Дина. Это означает, что сообщение о первой интронизации не было полностью выдумано автором ТИМ, но имело под собой

определенную историческую основу. Другое дело, что само описание произошедшего могло быть серьезно им трансформировано (Nobuhiro Uno 2009: 57-71).

В целом наиболее важным для нас и вполне обоснованным выводом Нобухиро Уно было то, что автор ТИМ умело конструировал историческое повествование на основании известных ему исторических фактов. Имея определенные политические или идеологические цели, он наполнял доступные ему описательные конструкции совершенно новым, зачастую противоположным изначальному содержанием.

В 2015 году вышла статья К. Этвуда, посвященная сюжетной линии Джамухи. Как и Нобухиро Уно, он признал ее сконструированный характер и предположил, что у нее существовала не столько устная, сколько письменная основа. По мнению автора, моделью структурирования сюжета об отношениях Темуджина и Джамухи, принципиально противоположного аналогичному у Рашид ад-Дина, послужил сюжет "Романа об Александре", монгольский вариант которого, переведенный с уйгурского, известен. Автор ТИМ использовал для этого завершение "Романа…" в котором:

1 – два сатрапа Дария решают убить его; 2 – они смертельно ранят его, но бегут, когда приближается Александр; 3 – Александр находит Дария, плачет по нему, убеждая его снова править всей своей землей; 4 – Дарий игнорирует это предложение, завещает Александру помнить о быстротечности жизни и просит обеспечить ему соответствующие похороны; 5 – когда Дарий умирает, Александр становится правителем; 6 – он в завуалированном, зашифрованном виде обещает награды тем, кто убил Дария, а когда убийцы требуют обещанное, он их убивает в наказание за измену своему царю. По мнению исследователя, сюжет был сконструирован на основе этой модели и адаптации к ней реальной истории о побратимстве и недолгом союзе Темуджина и брата Ван-хана Джаа Гамбу.

Также в процессе исследования он обратил внимание на своеобразное противоречие в биографиях Джурджедая из племени уруд и Куилдара из племени мангут, касающееся их роли в битве против кераитов при Каладжин-элет весной 1203 года. В биографии Джурджедая говорится о том, что Куилдар вызвался добровольцем в атаку до того, как он успел ответить на призыв Темуджина. Но в биографии Куилдара уточняется, что Джурджедай поглаживал кнутом гриву лошади до тех пор, пока лидер мангутов не вызвался добровольцем. Это уточнение не случайно, так как далее в биографии сообщается, что при Угедее сын Куилдара получил от каана особую милость. Шиги-Хутуху было поручено провести распределение северокитайских дворов между монгольскими феодалами. Когда он предоставил Угедею результаты, последний поинтересовался, почему у сына Куилдара так мало подданных. Шиги-Хутуху ответил, что распределение проводилось в соответствии с нормами, установленными при Чингиз-хане, но Угедей возразил, приказав увеличить их количество, так как за его отцом числились некие письменно зафиксированные заслуги. Характер этих заслуг проясняется из ответа Угедея урудам, возмутившимся тем, что до этого их статус был выше, а владения больше: "Неужели вы забыли то время, когда прежде всего хлестали гриву вашего коня?".

На этом основании К. Этвуд делает два очень важных вывода. Во-первых, автор ТИМ пользовался текстом биографии Джурджедая, так как он приводит этот эпизод именно в таком виде, без упоминания кнута и гривы: "не успел еще Чжурчедай и рта раскрыть". Он доказывает, что существовал монгольский оригинал, ставший впоследствии основой для описания ТИМ и для его биографии в "Юань ши".

Во-вторых, этот сюжет свидетельствует о том, что со времен Угедея статус того или иного семейного коллектива основывался не на размерах унаследованных уделов, как собирался сделать Шиги-Хутуху, а на оценке прошлых заслуг его членов, и прежде всего основателя, перед правителем. Естественно, что эти заслуги должны были быть письменно зафиксированы в биографических материалах, что дало мощный толчок к написанию исторических текстов подобного рода (Atwood 2015: 161-176).

В 2017 году вышла статья К. Этвуда, посвященная так называемому "Обвинительному заключению Ван-хана", которая имеет большое значение для понимания характера письменных источников, использованных автором ТИМ. К. Этвуд доказал, что некогда (видимо, в правление Угедея) существовал единый текст, посвященный покорению Чингиз-ханом государства кераитов. Он был использован как автором ТИМ, так и при составлении "Истинной летописи Чингиз-хана" (китайское Тайцзу шилу) – источника, составленного на монгольском языке в 70-е годы XIII века, в виде китайского перевода, предоставленного каану Хубилаю в 1287 году, и в различных пропорциях отразившегося у Рашид ад-Дина, в ШУЦЖЛ и в "Юань ши".

При этом отдельные сюжеты "Обвинительного заключения" иногда могут встречаться только в ТИМ или в "Истинной летописи" либо могут дублироваться, появляясь в тексте в качестве самостоятельных сообщений. Именно включением в текст ТИМ "Обвинительного заключения Ван-хана" и объясняется очевидное противоречие между двумя версиями ранних отношений Темуджина и Ван-хана, отмеченное еще Окада Хидехиро (Atwood 2017: 269-281).

Результаты

Подводя определённый итог этой многолетней дискуссии можно заключить, что на настоящий момент выделяются несколько ее предворительных результатов. Во-первых, очевидно, что ни один из возможных годов Мыши не подходит под все условия, заявленные в колофоне. Любому из авторов, пытающемуся отнести написание текста к одной из этих дат, приходится выстраивать сложную систему слабо доказуемых допущений, таким образом подгоняя все известные факты под нужный год. Ярким признаком сложившегося тупика является предположение И. де Рахивельца, согласно которому в тексте колофона могла быть допущена ошибка (1228 год Мыши вместо правильного 1229 года Быка).

Во-вторых, на настоящий момент очевидно, что все части текста, а не только описание правления Угедея, содержат анахронистические сюжеты или сообщения, в корне противоречащие всем остальным источникам. Причём содержатся они как "Юань чао би ши", так и в "Алтан тобчи". С одной стороны, это отрицает возможность их создания в ранний период правления Угедея. Сложно представить, что в 1229 г. был записан официальный текст, в котором Мухали в 1221 г. находился не в Северном Китае, а в бывших владениях Хорезмшаха. Дело в том, что в это время владения семьи Мухали уже находились в подчинении у его внука Таша, который унаследовал него титул и статус. Еще более сложно представить, что в 1229 г. автор ТИМ мог предвидеть будущее и сообщить об отправке Махмуда Ялавача в Северный Китай. Сюда же можно отнести боевые действия на западе Субедея против меркитов Куду ("экспедиция на железных

повозках") и Джебе против наймана Кучлук, которые ТИМ описывает дважды и относит то к 1205, то к 1207 годам. В реальности оба эти предприятия были частью большого наступления монголов на запад и хорошо датируются 1217-1218 годами. С другой стороны, эти анахронизмы и откровенно сконструированные автором сюжеты очень сложно объяснить позднейшими добавлениями. Вполне можно согласиться с К. Этвудом в том, что они зачастую являются сюжетным центром текста, а некоторые логически связаны между собой. Если исключить их все, то совершенно непонятно, что останется от "оригинала".

В-третьих, вероятно, ключевым прорывом в исследовании памятника стало понимание того, что автор в процессе его написания активно использовал доступные ему письменные источники. Текстологическая связь отдельных сообщений Рашид ад-Дина, в ШУЦЖЛ и в "Юань ши", касающихся эпохи Чингиз-хана, хорошо известна. В целом они формируют единый нарративный блок, что и позволяет сделать вывод о существовании первоисточника - "Истинной летописи Чингиз-хана" (Тайцзу шилу). Она оказала серьёзное влияние на формирование текста ШУЦЖЛ и сообщений "Юань ши" в описании правления Чингиз-хана. В конце XIII века ее текст был доставлен в Иран, переведён и в виде обширных сообщений включён в труд Рашид ад-Дина (Atwood 2020: 69-72). Однако характер ее связи с текстом ТИМ менее очевиден. С одной стороны, ясно, что автор ТИМ использовал тот же нарративный массив, что и составители "Истинной летописи". Многие сообщения в них текстологически очевидно схожи. С другой стороны, ТИМ явно не использовалась при создании "Истинной летописи". Дело в том, что те общие сюжеты, которые в "Истинной летописи" представляют собой единое и логичное повествование, в ТИМ очень сильно деформированы. Они либо "разбросаны" автором по разным периодам, либо видоизменены самым причудливым образом. Эта ситуация позволяет осторожно предположить наличие некоего общего первоисточника для ТИМ и "Истинной летописи".

Обсуждение

Очевидно, что вопрос о датировке, авторстве и процессе формирования текста ТИМ заслуживает отдельного монографического исследования. Он выходит далеко за рамки этой работы. Здесь же мы попробуем предложить наиболее перспективные направления его решения.

Во-первых, в самом подходе к анализу текста наблюдается определённое противоречие. Абсолютное большинство исследователей признают наличие в тексте ТИМ сюжетов, в той или иной степени сконструированных ее автором, авторами или последующими редакторами, а также сюжетов, события которых в реальности просто не могли происходить. И эти же исследователи, за редким исключением, принимают как аксиому историчность и подлинность основного датирующего признака – колофона, прилагая огромные усилия, чтобы хоть как-то "примирить" его с остальным массивом данных. На настоящий момент ясно, что усилия эти бесплодны. Как уже отмечалось выше, подходящего под все параметры года Мыши просто не существует. Это особенно примечательно потому, что колофон отсутствует в ранней, по многим оценкам, версии ТИМ, зафиксированной в "Алтан тобчи". В такой ситуации кажется перспективным

подход, в рамках которого колофон должен рассматриваться не как последняя надежда на точную датировку, а как полноправная часть исторического текста, полного ошибок, анахронизмов и сконструированных сюжетов. Это не значит, что его содержание можно просто игнорировать. Но оно должно быть вписано в общую концепцию происхождения текста. При этом необходимо поставить два вопроса. Мог ли автор ТИМ ошибиться, записывая текст колофона или сфальсифицировать его? И можно ли эту ошибку или фальсификацию доказать?

Во-вторых, выделенные характеристики текста позволяют заключить, что классический текстологический анализ, основанный на данных лингвистики, не сможет решить всех проблем. Если автор или авторы крайне творчески перерабатывали доступный им исторический материал, в первую очередь необходим детальный литературный и исторический анализ отдельных сюжетов и сюжетных линий. Необходимо не гадать о личности автора, а выделить его политические и групповые интересы и предпочтения. Здесь очень важным является сопоставление текстов "Юань чао би ши" и "Алтан тобчи". На наш взгляд, вполне можно согласиться с позицией И. де Рахивельца о первичности последнего. Она доказывается достаточно просто. В тексте "Алтан тобчи" отсутствует отрывок, начиная с §177, где речь идет об отправке послов к Ван-хану, по §207, содержащий описание заслуг Хорчи. При этом соединённые после этого части текста сюжетно совпадают и в "Юань чао би ши", и в "Алтан тобчи". Сразу после сообщения об отправке Джурджедая к кунгратам (§176) идет описание его заслуг, как причины передачи ему в жены дочери Джаа Гамбу Ибаха-беги (§208). Они оставляют единый текст биографии Джурджедая. Это означает, что "лакуна" §177-§207 фактически является очень большой вставкой, и первичен именно текст "Алтан тобчи" (Порсин 2023: 140-141). Таким образом, необходим детальный анализ сюжетов этих двух вариантов текста ТИМ. При этом важно учитывать не только то, что было включено во вторичный текст "Юань чао би ши". Большинство этих вставок хорошо известны. Необходимо понять, могли ли какие-то сюжеты, присутствующие в протографе "Алтан тобчи", быть исключены при составлении текста "Юань чао би ши". Насколько нам известно, этот вопрос в историографии не поднимался в принципе, так как долгое время считалось, что текст "Юань чао би ши" первичен.

Заключение

Дискуссия о датировке и формировании "Тайной истории монголов" остаётся незавершённой. Ни один из предложенных годов Мыши не соответствует всем условиям колофона, а текст содержит глубинные анахронизмы и политически мотивированные сюжеты во всех частях. Наиболее перспективным направлением дальнейшего исследования является рассмотрение колофона как полноправной части текста и детальное сопоставление ТИМ с "Алтан тобчи" для выявления вставок и редактуры.

Acknowledgements

The author thanks the journal's editorial team for their scholarly and editorial support in preparing this article.

Алғыс білдіру

Автор ақ мақаланы ғылыми-редакторлық сүйемелдегені үшін журнал ұжымына алғысын білдіреді.

Благодарности

Автор благодарит коллектив журнала за научно-редакторское сопровождение статьи.

Список литературы

Atwood C. Informants and Sources for the Secret Histoy of the Mongols. *Mongolian Studies* 2007. No.29, pp.27-39.

Atwood C. The Date of the 'Secret History of the Mongols' Reconsidered *Journal of Song-Yuan Studies.* 2007. No.37, pp.1-48.

Atwood C. Alexander, Ja'a Gambo and the Origins of the Image of Jamugha in the Secret History of the Mongols B: *Neilu Ouyalishiwen huaguo jixueshuyantao huilun wenji* (Proceedings of the International Conference on History and Culture of Central Eurasia) edited by Teligeng [Terigün] and Li Jinxiu. Höhhot: Inner Mongolia People's Press. 2015. Pp.161-176.

Atwood C. The Indictment of Ong Qa'an: The Earliest Reconstructable Mongolian Source on the Rise of Chinggis Khan. *Historical and Philological Studies of China's Western Regions.* 2017. No.9, pp.267-302.

Atwood C. Rashīd al-Dīn's Ghazanid chronicle and its Mongolian sources. *New Approaches to Ilkhanid History.* May, Timothy; Dashdondog, Bayarsaikhan; Atwood, Christopher P. (eds). Leiden; Boston: Brill. 2020. Pp.53-121.

Grousset R. Etatactuel des etudes sur l'histoiregen ghiskhanide. *Bulletin of the International Committee of Historical Sciences.* 1941. No.12, pp.22-40.

Hung W. The Transmission of the Book Known as The Secret History of the Mongols. *Harvard Journal of Asiatic Studies.* 1951. T.14, no.3/4, pp.433-492.

Ledyard G. The Mongol Campaigns in Korea and the Dating of The Secret History of the Mongols. *Central Asiatic Journal.* 1964. No.9, pp.1-22.

Ligeti Lajos (ed.). *A mongolok titkos története. Fordította Ligeti Lajos, a verseket fordította Képes Géza.* Budapest: Gondolat Kiadó. 1962. 241 p.

Mostaert A. Sur quelques passages de l'Histoire secrète des Mongols. *Harvard of Asiatic Studies.* 1950. Vol.13, no.3/4, pp.285-404.

Okada Hidehiro. The Secret History of the Mongols, a Pseudo-Historical Novel *Ajia Afurika gengobun-kakenkyū (Journal of Asian and African Studies). 1*972. P.61-67.

Okada Hidehiro. The Chinggis Khan Shrine and the Secret History of the Mongols. In: *Religious and Lay Symbolism in the Altaic World and Other Papers.* Proceedings of the 27th Meeting of the Perma nent International Altaistic Conference, Walberberg, June 12th-17th, 1984 / ed. Klaus Sagaster, in collaboration with Helmut Eimer. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1989. (Asiatische Forschungen, Bd. 105). Pp.284-292.

Pelliot P. Deux lacunes dans le texte mongol actuel de L'Histoire secrète des Mongols. *Journal asiatique.* Mélanges asiatiques 1.1940-41. No.232, pp.1-18.

Rachewiltz I. de. Some Remarks on the Dating of the Secret History of the Mongols. *Monumenta Serica.* 1965. No.24, pp.185-206.

Rachewiltz I. de. Brief Comments on Professor Yu Ta-chun's Article 'On the Dating of the Secret History of the Mongols. *Monumenta Serica.* 1986-87. No.37, pp.305-309.

Rachewiltz I. de. The Secret History of the Mongols: A *Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century.* 2 vols. Leiden: Brill. 2004. 1347 p.

Rachewiltz I. de. The Dating of the Secret History of the Mongols – A Reinterpretation Zeitschr. fürura-lischeu. Altaische Forschung Ural-altaische Jahrbücher. 2008. No.22-35, pp.150-184.

Ratchnevsky P. Šigi Qutuqu. In: *In the Service of the Khan.* Edited by Igor de Rachewiltz, Hok-lam Chan, Hsiao Ch'i-ch'ing, and Peter W. Geier. Wiesbaden: Otto Harrassowitz. 1993. Pp.75-94.

Waley A. Notes on the "Yüan-ch'ao pi-shih". *Bulletin of the School of Oriental and African Studies.* University of London. 1960. Vol. 23, no.3, pp.523-529.

Yu Da-djun [Yu Dajun], trans. Wilhelm K. Mueller. On the Dating of the Secret History of the Mongols. *Monumenta Serica*. 1986–87. No.37, pp.277-303.

Uno Nobuhiro. チンギス・カン前半生研究のための『元朝秘史』と『集史』の比較考察 // 人間環境学研究. 2009. No.7, pp.57-74.

Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т.1.Москва: Изд-во АН СССР. 1941. 611 с.

Порсин А.А. Джучи. Несостоявшийся наследник. Астана: "Международный научный комплекс "Астана". 2023. 392 с.

References

Atwood C. Informants and Sources for the Secret History of the Mongols. *Mongolian Studies.* 2007. No.29, pp.27-39. (In English)

Atwood C. The Date of the 'Secret History of the Mongols' Reconsidered. *Journal of Song-Yuan Studies.* 2007. No.37, pp.1-48. (In English)

Atwood C. Alexander, Ja'a Gambo and the Origins of the Image of Jamugha in the Secret History of the Mongols. In: *Neilu Ouyalishiwen huaguo jixueshuyantao huilun wenji*. Edited by Teligeng [Terigün] and Li Jinxiu. Höhhot: Inner Mongolia People's Press, 2015. Pp.161-176. (In English)

Atwood C. The Indictment of Ong Qa'an: The Earliest Reconstructable Mongolian Source on the Rise of Chinggis Khan. *Historical and Philological Studies of China's Western Regions*. 2017. No.9, pp.267-302. (In English)

Atwood C. Rashīd al-Dīn's Ghazanid chronicle and its Mongolian sources. In: *New Approaches to Ilkhanid History.* May, Timothy; Dashdondog, Bayarsaikhan; Atwood, Christopher P. (eds). Leiden; Boston: Brill. 2020. Pp.53-121. (In English)

Grousset R. Etat actuel des études sur l'histoire genghiskhanide*. Bulletin of the International Committee of Historical Sciences.* 1941. Vol.12, pp.22-40. (In French)

Hung W. The Transmission of the Book Known as The Secret History of the Mongols. *Harvard Journal of Asiatic Studies.* 1951. Vol.14, no.3/4, pp.433-492. (In English)

Ledyard G. The Mongol Campaigns in Korea and the Dating of The Secret History of the Mongols. *Central Asiatic Journal.* 1964. No.9, pp.1-22. (In English)

Ligeti Lajos (ed.). *A mongolok titkos története. Fordította Ligeti Lajos, a verseket fordította Képes Géza.* Budapest: Gondolat Kiadó. 1962. 241 p. (In Hungarian)

Mostaert A. Sur quelques passages de l'Histoire secrète des Mongols. Harvard*. Journal of Asiatic Studies.* 1950. Vol.13, no.3/4, pp.285-404. (In French)

Okada Hidehiro. The Secret History of the Mongols, a Pseudo-Historical Novel. Ajia Afurika gengobun-kakenkyū. *(Journal of Asian and African Studies)* 1972. Pp.61-67. (In English)
Okada Hidehiro. The Chinggis Khan Shrine and the Secret History of the Mongols. *Religious and Lay Symbolism in the Altaic World and Other Papers.* Edited by Klaus Sagaster and Helmut Einer. Wiesbaden: Otto Harrassowitz. 1989. Pp. 284-292. (In English)
Pelliot P. Deux lacunes dans le texte mongol actuel de L'Histoire secrète des Mongols. *Journal asiatique.* Mélanges asiatiques 1. 1940-41. Vol. 232, pp.1-18. (In French)
Rachewiltz I. de. Some Remarks on the Dating of the Secret History of the Mongols. *Monumenta Serica.* 1965. Vol. 24, pp.185-206. (In English)
Rachewiltz I. de. Brief Comments on Professor Yu Ta-chun's Article 'On the Dating of the Secret History of the Mongols'. *Monumenta Serica.* 1986-87. Vol.37, pp.305-309. (In English)
Rachewiltz I. de. *The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century.* 2 vols. Leiden: Brill. 2004. 1347 p. (In English)
Rachewiltz I. de. The Dating of the Secret History of the Mongols – A Reinterpretation. *Zeitschrift für Uralische und Altaische Forschung. Ural-altaische Jahrbücher.* 2008. Vol. 22-35. Pp.150-184. (In English)
Ratchnevsky P. Šigi Qutuqu In*: In the Service of the Khan.* Edited by Igor de Rachewiltz, Hok-lam Chan, Hsiao Ch'i-ch'ing, and Peter W. Geier. Wiesbaden: Otto Harrassowitz. 1993. Pp.75-94. (In English)
Waley A. Notes on the "Yüan-ch'ao pi-shih". *Bulletin of the School of Oriental and African Studies.* University of London. 1960. Vol.23, no.3, pp.523–529. (In English)
Yu Da-djun [Yu Dajun], trans. Wilhelm K. Mueller. On the Dating of the Secret History of the Mongols. *Monumenta Serica*. 1986-87. Vol.37. Pp. 277-303. (In English)
Uno Nobuhiro. Comparative Analysis of The Secret History of the Mongols and Jāmiʿ al-Tawārīkh as Sources for the Study of Genghis Khan's Early Life. 2009. No.7. (In Japanese)
Kozin S.A. *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaja hronika 1240 g*. Vol.1. 1941. Moscow: AN SSSR. 611 p. (In Russian)
Porsin A.A. Dzhuchi. *Nesostojavshijsja naslednik.* Astana: "Mezhdunarodnyi nauchnyi kompleks 'Astana" 2023. 392 p. (In Russian)

Information about the author

Artem Aleksandrovich Porsin – Candidate of Historical Sciences, chief researcher at the Republican State Enterprise on the Right of Economic Management "Research Institute for Jochi Ulus Studies" of the Committee of Science, Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Baikonyr District, 15B Aleksandr Pushkin Street, Astana, Kazakhstan, https://orcid.org/0009-0008-4517-5265, porsinart@gmail.com

Автор туралы мәлімет

Артём Александрович Порсин – тарих ғылымдарының кандидаты, бас зерттеуші, Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің "Жошы Ұлысын зерттеу ғылыми институты" шаруашылық жүргізу құқығындағы РМК бас ғылыми қызметкері, Байқоңыр ауданы, А. Пушкин көшесі, 15Б үй, Астана, Қазақстан, https://orcid.org/0009-0008-4517-5265, porsinart@gmail.com

Сведения об авторах

Артём Александрович Порсин – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, РГП на ПХВ "Научный институт изучения Улуса Джучи" КН МНВО РК, район Байконыр, улица Александра Пушкина, дом 15Б, Астана, Казахстан, https://orcid.org/0009-0008-4517-5265, porsinart@gmail.com

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. ***/ Раскрытие информации о конфликте интересов.*** Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. / ***Disclosure of conflict of interest information.*** The author claims no conflict of interest.

Information about the article /Мақала туралы ақпарат / Информация о статье.
Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 10.09.2026
Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 10.11.2026
Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 10.12.2026